

Роковой год цесаревича Николая

Анна Пейчева

Анна Пейчева

Роковой год Цесаревича Николая

Издательство «Омега-Л»

2025

УДК 82-3
ББК 84стд1-442

Пейчева А.

Роковой год Цесаревича Николая / А. Пейчева — Издательство
«Омега-Л», 2025

ISBN 978-5-370-05730-4

Ох, Ники, милый, простодушный Ники... Мог ли ты представить, что тебя возненавидят миллионы? Что ты станешь последним в длинном списке русских царей? Что скромная девушка, которую тебе навяжут в жены, станет главной причиной крушения целой империи?.. Цесаревич Николай Александрович Романов стал императором Николаем II в возрасте 26 лет, совершенно неожиданно для себя и всего мира. Это история о симпатичном парне, бравом офицере, беззаботном мечтателе, который вдруг оказался лицом к лицу с реальной жизнью, в окружении лицемеров и мистиков. Его прозвали Кровавым царем; но он был всего лишь слабым человеком... 1894 год — та точка, в которой обрушилось все и сразу. Мы пройдем этот год вместе с Ники, шаг за шагом, день за днем. Книга основана на дневниках цесаревича, на его переписке с родственниками и друзьями. Мы будем строго придерживаться фактов; художественной будет лишь форма, но не содержание. Итак, добро пожаловать в жизнь наследника российского престола.

УДК 82-3
ББК 84стд1-442

ISBN 978-5-370-05730-4

© Пейчева А., 2025

© Издательство «Омега-Л», 2025

Содержание

Пролог	7
Главные герои	8
Январь	18
Февраль	27
Март	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анна Пейчева
Роковой год цесаревича Николая

© Пейчева А., 2025

© Издание, оформление. ООО «Издательство «Омега-Л», 2025

Пролог

Перед вами необычный исторический роман. Эта книга основана на реальных событиях из дневника цесаревича Николая Александровича, будущего императора Николая II, развернутых в отдельные яркие эпизоды с увлекательными диалогами и волнующей атмосферой перелома веков.

В конце 1894 года Николай получил корону Российской империи – и сразу показал себя правителем слабым, зависимым от консервативных родственников. Мы проанализируем дневник наследника за этот год, его переписку с родными и близкими, воспоминания его современников и архивные документы, чтобы восстановить хронологию падения цесаревича в пропасть. Как получилось, что добрый, хороший мальчик Ники с удивительными серо-зелеными глазами и обаятельной улыбкой превратился в Николая Кровавого?

Зимой 1894 года у цесаревича еще все отлично: отец-император хоть и болеет, но по-прежнему силен и надежен, как русский богатырь. А значит, юный Ники может жить в свое удовольствие: играть на бильярде с другом Сандро, встречаться с кокетливой Матильдой, «хлыщить» в карете по Невскому проспекту.

Однако чем дальше, тем больше Ники запутывается в паутине, искусно сотканной для него старшими родственниками – дядей Сергеем и тетей Эллой. Они убеждают его присмотреться к сестре Эллы – надменной немецкой принцессе Алисе Гессенской.

Весной 1894 года цесаревич расстается с любимой Матильдой и, словно в дурном тумане, делает предложение Алисе.

Вернувшись домой, Ники постепенно осознает всю катастрофичность своего положения. Он отчаянно пытается найти выход, думает разорвать помолвку... Но уже поздно. Осенью привычный мир цесаревича рушится окончательно: отец уходит из жизни, Ники обязан принять престол и жениться как можно скорее, не успев оплакать любимого Папа.

Эта печальная свадьба в разгар траура определила всю дальнейшую жизнь Николая. Он встал на темную сторону, попал под разрушительное влияние корыстного дяди Сергея и властных принцесс Гессенских. Результат рокового выбора Николая хорошо известен: волны террора одна за другой, революция и расстрел царской семьи в Екатеринбурге.

Главные герои

возраст и положение на 1 января 1894 года

Nicky 1893.

Цесаревич Николай Александрович (25 лет) – наследник российского престола. Сын императора Александра III и императрицы Марии Федоровны. Полковник, командир I-го батальона Лейб-гвардии Преображенского полка. Семейное имя – Ники

Александр III Александрович (48 лет) – император Всероссийский, царь Польский и великий князь Финляндский

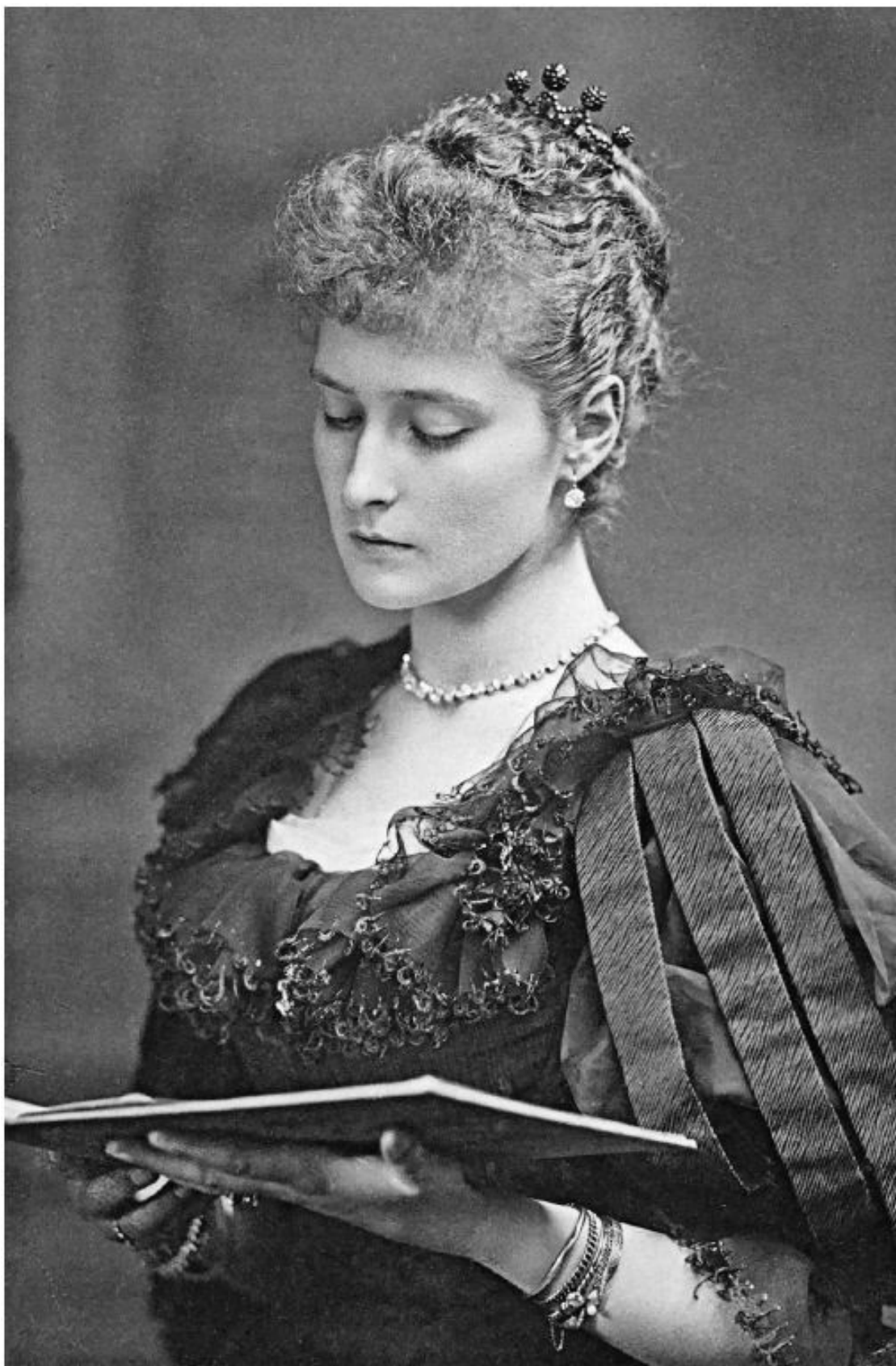
Мария Федоровна (46 лет) – российская императрица, супруга Александра III. В девичестве – датская принцесса Мария София Фредерика Дагмар. Семейное имя – Минни

Великий князь Александр Михайлович (27 лет) – четвертый сын великого князя Михаила Николаевича, внук Николая I. Старший лейтенант Русского императорского флота. Друг детства Ники, которому приходился двоюродным дядей, но из-за небольшой разницы в возрасте его называли кузеном. Семейное имя – Сандро

Великая княжна Ксения Александровна (18 лет) – дочь императора Александра III и императрицы Марии Федоровны. Сестра Ники

Принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская (21 год) — четвертая дочь великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвиг IV и герцогини Алисы, дочери британской королевы Виктории. Семейное имя – Аликс

Великая княгиня Елизавета Федоровна (29 лет) – супруга великого князя Сергея Александровича. В девичестве – немецкая принцесса Елизавета Александра Луиза Гессен-Дармштадтская, вторая дочь великого герцога Людвига IV. Сестра Аликс. Семейное имя – Элла

Великий князь Сергей Александрович (36 лет) — младший брат императора Александра III. Московский генерал-губернатор

Матильда Кшесинская (21 год) – балерина Мариинского театра, дочь польского танцовщика Феликса Кшесинского

«Дай Бог, чтобы наступивший год прошел так же счастливо и спокойно, как прошлый», – слова Папа, когда дядя Миша вошел к нему утром, и пока Мама пила кофе. И больше ничего к этим словам прибавить нельзя!»

*Дневник цесаревича Николая Александровича
1 января 1894 года*

Январь

2 января. Гатчинский замок

– Я завидую тебе, Сандро! – воскликнул Ники, одним стремительным движением выхватывая любимый кий из стойки. – Ты живешь настоящей, яркой жизнью! Повидал весь мир. Тропическая тайга Рио и курильни опиума в китайском квартале Сингапура... Пальмовые рощи Фиджи и крокодилы пироги в Австралии... Ты видел все! Хотел бы я быть на твоём месте... Взять да и уйти в кругосветку, и гори все синим пламенем!

Сандро, примериваясь к оставшимся киям, пожал плечами:

– Ты тоже был на Востоке.

Ники нетерпеливо отмахнулся:

– Это не то! – Он подошел поближе к японской композиции, украшавшей стену бильярдной: длинный самурайский меч тати, подаренный цесаревичу аристократом из дома Токугава, а ниже, под мечом, – шелковая шпалера Инуоумоно с изображением традиционной охоты на собак, обрамленная узором из японских и российских гербов. – У тебя, друг Сандро, настоящая морская романтика, как в «Графе Монте-Кристо», а у меня был тоскливый официальный визит. Все время под надзором свиты, все время при параде. Да у меня каждый вечер щеки ныли от бесконечных улыбок всем этим махараджам, султанам и падишахам! А результат? – Ники дотронулся кием до блестящего изогнутого лезвия. – Один из этих красавцев цинично рассек мне голову. И пока ты пил чай со своей маленькой японской «женой» в милом бамбуковом домике в Ионассе, я истекал кровью на пыльной улице Оцу.

Сандро сочувственно кивнул, – покушение на наследника российского престола стало самой скандальной мировой новостью 1891 года, – а после подмигнул:

– Но зато второй шрам на память о Японии ты организовал самостоятельно.

Ники мгновенно перестал хмуриться и закатал правый рукав гусарского мундира, явив миру свою гордость – грозного черного дракона на все предплечье. У дракона имелись желтые рожки, зеленые лапки и красное брюшко.

– Семь часов накалывали! – в который раз похвастался Ники, простодушно прибавив: – Я теперь как якудза.

Сандро хмыкнул:

– Только никому об этом не говори. А помнишь нашу охоту на слонов в Коломбо, когда я заехал к тебе на денек? Разве это приключение не стоит одного пустякового шрама на затылке?

– Пожалуй!

На мгновение Ники перенесся в сырые цейлонские джунгли. Мелькнули ослепительные обрывки воспоминаний: рассвет над пальмами; бархатистая вершина Алагаллы, с которой кандийские владыки приказывали сбрасывать в пропасть изменников; запах дождя; свежие сломанные ветки и глубокие круглые следы на глинистой почве; бодрые крики загонщиков и спокойный голос британского губернатора Цейлона: «Осторожнее, ваше высочество, слоны готовятся к нападению».

Цесаревич тряхнул головой и поудобнее перехватил кий – антикварный, из черного эбенового дерева, с широкими кольцами-вставками из полированной слоновой кости и узкими – из золота и перламутра. По всему кию в завораживающем танце сплетались удивительные цветы: стебли из светлого японского граба, лепестки из необычного фиолетового араманта, известного как «пурпурное сердце», и бутоны из полосатой бокоты, самого дорогого дерева в мире.

– Забавно, что ты заговорил про Цейлон, ведь этот чудный кий оттуда, – сказал Ники, примериваясь к шарам из слоновой кости, которые, как маленькие толстые солдаты, выстроились на зеленом сукне аккуратным треугольником. – После твоего отъезда мне его подарил цейлонский губернатор, сэр Артур Хэвлок.

– Коллекционная вещь, – согласился Сандро, – но вряд ли эта волшебная палочка поможет тебе победить меня сегодня.

– Еще как поможет! – загорелся Ники. – Ты давно не играл со мной, друг Сандро! Пока ты скитался по другим континентам, я упорно отрабатывал один неотразимый удар, которому меня научил все тот же сэр Хэвлок.

Называется «прием Менго¹», и он никогда не записывался на бумаге, знают о нем лишь избранные. Говорят, капитан Менго придумал его в парижской тюрьме.

– Ничего себе тюрьма – с бильярдом, – рассеянно сказал Сандро, натирая мелом наколочник своего кия из самого обыкновенного ясеня. – Ну а я, пока был этим летом в Америке, взял несколько уроков у Фрэнка Ивза, так что...

– Как? У самого Ивза, «бильярдного Наполеона»? – восторженно переспросил Ники. – У Фрэнка Ивза, победителя декабрьского чемпионата в Нью-Йорке?

– У него, – удовлетворенно подтвердил Сандро. – Ездил к нему на озеро Саранак. Что ты на это скажешь, дорогой мой Ники? Все еще готов сразиться?

– Всегда! – Цесаревич гордо поднял голову, хотя внутри у него все похолодело. Сработает ли прием Менго против хитрых маневров Ивза?

– Что ставишь? Может, свой чудо-кий? Он будет мило смотреться на моей яхте, – усмехнулся Сандро.

– Ну уж нет, не могу им рисковать ни при каких обстоятельствах, – Ники на секунду задумался. – А знаешь что? Ставлю руку и сердце Ксении!

– Как это? – Сандро, обычно иронично-невозмутимый, изрядно растерялся.

– Знаю, что ты давно влюблен в мою сестру и обещаю замолвить за тебя словечко перед ней, если проиграю, – объяснил Ники, весьма довольный собой. – А ты что ставишь?

– Эмм, подходящих невест у меня для тебя нет... – все еще озадаченно сказал Сандро. – Могу предложить эольен, который я заказал в Америке. Его должны доставить на днях. Ты отлично играешь на фортепиано, значит, и с фисгармонией справишься. Согласен?

– Согласен!

Кузены ударили по рукам – и началась великая битва на зеленом сукне.

Ники играл артистично, эмоционально, зрелищно – в стиле великого Менго. Движения его были свободны и легки, удары сопровождались остроумными сценками, отработанными на друзьях-гусарах. Закрутив шар, цесаревич изображал крайний ужас, убеждая публику в лице Сандро, что в шар вселился дьявол и его срочно нужно остудить при помощи интенсивного обдува. Приберегая коронный прием напоследок, Ники воплощал лучшие техники из величайшей научной монографии «Благородная игра в бильярд – невероятные и превосходные удары, которые вызывали восхищение у большей части государей Европы, изложенные господином Менго, бывшим капитаном от инфантерии на службе Франции»², вызубренной цесаревичем

¹ Капитан Франсуа Менго (Captain François Mingaud, 1771–1847) – офицер пехоты французской армии и игрок в карамболь. Его считают изобретателем кожаного наконечника для бильярдного кия, который он придумал, находясь в тюрьме в Бисетре за свою политическую деятельность. Наконечник произвел революцию в бильярде, позволив игрокам совершать удары с вращением шара. В 1807 году Менго был освобожден из тюрьмы и начал демонстрировать свое изобретение и технику закручивания шаров в Париже, а затем в кофейнях в нидерландском Роттердаме. – *Здесь и далее прим. авт.*

² «Noble Jeu de Billard – Coups Extraordinaires et suprenants, qui on fait l'admiration de la Majeure partie de Souveraines de l'Europe, exécutes par M. Mingaud, Ancien Capitaine d'Infanterie au Service de France» – книга Менго, содержащая в себе подробные описания около 40 ударов, в том числе и дугообразных, была опубликована в 1827 году во Франции и затем многократно переиздавалась в разных странах.

от корки до корки. Будь в бильярдной публика – овации сотрясали бы мощный Гатчинский замок до основания!

Сандро же играл сдержанно и даже, на первый взгляд, небрежно. Быстро прицеливался и без лишних рассуждений бил по шару. Темные глаза великого князя казались непроницаемыми, как ночь в дождевых лесах Амазонии.

– Уж не забыл ли ты про наши ставки? – насмешливо вопрошал цесаревич время от времени.

Сандро только усмехался в ответ, отправляя очередной шар в лузу крайне скучным, немодным, набившим оскомину прямым ударом.

– Дамы и господа! – торжественно объявил Ники, адресуясь к группе китайских ваз в дальнем углу бильярдной. – А сейчас – внимание, барабанная дробь! – представляю вашему уважаемому вниманию секретный прием Менго, также известный как массовый удар! Смотрите и учитесь!

Отсалютовав вазам, Ники ловко повернулся на каблуках, наклонился над бильярдным столом, поднял кий почти вертикально и – красивейший удар в лучших традициях Менго!.. Однако вместо того, чтобы отправить шар вращаться по закрученной дуге, кий соскользнул с гладкой слоновой кости и позорно вспахал зеленое сукно, как сбитый военный дирижабль. Ники огорченно охнул – на бильярдном столе зияла здоровенная дыра.

– Так красовался, что забыл основы, – не преминул съехидничать Сандро. – Не натер кий мелом перед таким сложным ударом!

– Детская ошибка, – признал Ники. – Не гожусь я на роль верховного главнокомандующего армией бильярдных шаров. Поздравляю с победой, друг! – Он пожал Сандро руку. – А мне теперь остается только надрызгаться!

3 января. Петербург – Гатчина

Вообще-то у императорской семьи имелся собственный поезд. Его начали строить сразу после катастрофы под Борками. Тот страшный октябрьский день 1888 года навеки врезался в память Ники и всех его близких! Взрыв на путях – невыносимый грохот и скрежет – стены царского вагона складываются – все вокруг вертится, пестрит, крутится – все кричат и плачут – перепуганное лицо маленькой Ксении – ужас в глазах Папа... Пол уходит из-под ног, Ники куда-то летит, инстинктивно сжимая в руке серебряный стакан, из которого за мгновение до этого спокойно пил горячий чай с лимоном... Потом – темнота, тупая боль в левой ноге, на которую свалился обломок крыши вагона, и острая боль в правой руке, обожженной чаем... Спустя вечность, а может быть, и секунду, Папа, как атлант, поднимает крышу, придавившую детей, Ксения заливается слезами – у нее поврежден позвоночник, Ники растерянно улыбается – нога в порядке, рука тоже, а осознание случившегося и шок придут позже... Дети императора стоят посреди пожухлого поля, хлещет ледяной дождь, Папа помогает вытаскивать стонущих раненых из-под разорванных вагонов, а лакей, только что подававший Ники чай, молча уткнулся лицом в увядшую траву...

После той катастрофы Папа и начал болеть. Вся его сила и богатырское здоровье остались там, на жухлом, жутком поле под Борками.

Он даже еще ни разу не прокатился на новом поезде, который построили взамен того взорванного. Новехонький состав из 10 вагонов скучал в тосненском депо с января прошлого года. Пылью покрывались сафьяновые стены царской опочивальни и тиковые панели царского кабинета; простаивали мощные паровые котлы и «ветродуи-холодильники», готовые поддерживать комфортную температуру в поезде в любое время года; ржавел потихоньку «горячий шкаф» для выпечки эклеров, тускнели золоченые двуглавые орлы над окнами, телефонные провода между вагонами передавали тишину.

Конечно, на этом роскошном поезде мог ездить и Ники – у него там даже был собственный вагон. Но цесаревичу совершенно не хотелось выгонять этого грандиозного железного коня из стойла ради какой-то ерунды. Вы же не будете вызывать Лохнесское чудовище из глубин таинственного шотландского озера только лишь для того, чтобы замшелое длинношеее лизнуло вашу почтовую марку для наклейки на конверт?

Потому третьего января Ники и Сандро в 11:29 запрыгнули в обычный пассажирский поезд, следовавший по маршруту Гатчина – Санкт-Петербург, и очень даже уютно устроились в одном из синих вагонов первого класса, которые в народе назывались почему-то «берлинами». Желтые вагоны второго класса именовались «дилижансами», зеленые вагоны третьего класса – «шарабанами», а самые дешевые серые вагоны четвертого класса никаких специальных названий не имели, а если и имели, то цесаревичу они были неведомы. Что ему было делать в шумном крестьянском вагоне, пропитанном суровыми, крепкими ароматами?

То ли дело – первый класс. Здесь глубокие мягкие кресла с подлокотниками и едва заметный аромат кельнской воды, во всем вагоне навряд ли наберется с десятков пассажиров, и все они на одно лицо – чопорные, надменные, в костюмах с иголки, думающие о самых скучных вещах, которые только бывают на свете – финансах, резолюциях, заседаниях...

К счастью, попутчик Ники был совсем другим. Кузены отлично провели время в дороге – травили морские байки, сравнивали разные яхты и спорили, в какой стране устрицы вкуснее. Ники, проводивший каждое лето у дедушки – датского короля Кристиана IX, настаивал, что нет ничего лучше лимфьордских устриц – чуть соленых, с утонченным ореховым привкусом. Сандро же горячо доказывал, что южноафриканские устрицы, имеющие раковину в форме стакана и пятнистую расцветку, дадут фору любым европейским деликатесам, и это единственное, ради чего он готов вернуться в душный, опасный Каптоун, криминальную столицу африканского континента.

Цесаревич и оглянуться не успел, как они с Сандро уже оказались на Литейном, где стоял Преображенский полк, – Ники служил в нем эскадронным командиром. В полку сегодня было еще веселее, чем обычно.

Во-первых, на завтрак подавали все самое любимое: пюре из цветной капусты, фюме-онаве³, стерлядь по-русски, молодую дичь, пирог Елизабет⁴ и кофе.

Во-вторых, столовую заполнили гости: балагур и остряк Александр Николаевич Огарев, бывший преображенец, а ныне гренадер⁵, приехал из Москвы на пару дней; из Царского Села пожаловал взвод Гусарского полка⁶, а вслед за ним подоспели и желтые кирасиры⁷ – все здоровенные, длинноносые и рыжие, в отличие от блондинов-преображенцев.

По случаю столь представительного собрания Костя⁸ – главный преображенец, приходившийся Ники двоюродным дядей, но старше его всего на десять лет, – прочел свои новые стихи:

*О, радость утра ясного весной!
Ты ласточек навеяна крылами.
Вы, забывудки, споря с небесами,*

³ Крепкий рыбный бульон, сваренный с вином.

⁴ Вероятно, вишневый пирог.

⁵ Александр Николаевич Огарев (1839(47,50?) – 1902) – штабс-капитан Лейб-гвардии Преображенского полка (1877), полковник, генерал-майор (1896); в 1893 назначен командиром 7-го гренадерского Самогитского Генерал-адъютанта графа Тотлебена полка; в 1895–1901 командир Лейб-гвардии 1-го стрелкового Его Императорского Величества батальона.

⁶ Лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк.

⁷ Лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк (Желтые или Царскосельские кирасиры).

⁸ Великий князь Константин Константинович Романов поэтический псевдоним К. Р. (1858–1915) – член Российского Императорского дома, президент Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1889), поэт, переводчик и драматург. 23 апреля 1891 года произведен в полковники и назначен командующим лейб-гвардии Преображенским полком.

*Так празднично убрались бирюзой.
О, летний день! Сияя над землей,
Ты теплыми даришь ее лучами
И мака знойными во ржи цветами
И жаворонка песней заливной.
О, золотистость осени печальной!
Скорбь увяданья, грусти красота
И журавлей отлет зарей прощальной.
О, зимней ночи жуть и нагота!
Зловещий ворон в белизне хрустальной
И лунный свет, и глушь, и немота...⁹*

Сонет завершился в полной тишине – а потом все одновременно стали кричать «браво» и поздравлять Костю с очередным шедевром.

– Какая публика! – с гордостью шепнул Ники кузену. – Одно слово – офицеры!

После пары бокалов шампанского возвышенно-литературное настроение собравшихся сменилось на азартно-безрассудное. Ники ввязался в настоящее бильярдное побоище – и позорно продул, прямо на глазах у товарищей! Новоявленный москвич Огарев, беззлобно подтрунивая над театральными жестами цесаревича, разбил его в пух и прах. Секретный прием Менго и тут не помог! Ники начал подозревать, что именно за этот удар-фальшивку Менго и угодил в парижскую тюрьму.

Насколько радостным был день в полку, настолько же тоскливым оказался вечер дома, в Гатчине. Папа опять сильно раскашлялся – и это за три дня до праздника, когда император по традиции должен в одном мундире идти на Иордань и принимать на морозе Крещенский парад!¹⁰

А уж как только цесаревич увидел на столе почту, накопившуюся за день, то остатки игривого настроения улетучились, как пузырьки из выдохшегося шампанского. Десятки посланий, как всегда, требовали немедленного ответа; но сегодня сверху обычной стопки лежало письмо, надписанное знакомым изящным почерком, который сразу вогнал Ники в хандру.

Наследник неохотно распечатал конверт.

*«Дорогой мой Ники,
Поздравляю с Новым годом, желаю всяческих благословений, сердечно
благодарю тебя за прелестный флакончик духов. Очень тронута, что ты
подумал обо мне. Сегодня я отправляю очень длинное письмо Pelly¹¹. Все это*

⁹ К. Р. «Времена года».

¹⁰ Праздник Крещения (6 января по старому стилю) состоял из нескольких частей: Литургии, Крестного хода, Водоосвящения, Церковного парада. Уже с самого утра на Дворцовой набережной и на Морских улицах выстраивались полки военных и оркестры. В Зимнем дворце проводилась Литургия для членов Царской Семьи – она проходила в церкви Спаса Нерукотворного образа. В это время в Зимнем дворце собирались все самые именитые жители города. После окончания Литургии царская семья, гости и представители духовенства шли Крестным ходом из церкви по Иорданской лестнице на Дворцовую набережную, к Иордани. В столице таким местом была Нева у Зимнего дворца, напротив Петропавловской крепости. Во льду вырубалась обширная полынья, над ней сооружался временный деревянный храм с широкой террасой и открытой галереей. На террасе священники совершали молебен, а на галерее размещали знамена гвардейских полков. Их приносили для освящения водой из проруби – так называемой Иордани. От «иорданского» подъезда Зимнего дворца к реке и далее по льду строились сходни, и мостики покрывали коврами и украшали флагами и гирляндами. Вдоль них шеренгами стояли гвардейские части в зимней парадной форме, но без шинелей и перчаток – такова была традиция. После Обедни в Зимнем дворце высшее духовенство во главе с митрополитом выходило на Иордань – служить молебен с водосвятием. Затем появлялись сам Император и Великие князья. Высший иерарх опускал в воду крест. В это время из пушек Петропавловской крепости и на Стрелке Васильевского острова давали салют 101 залпом. По совершении водосвятия митрополит окроплял святой водой всех присутствовавших, а также полковые знамена. После этого Император принимал Крещенский парад – мимо него церемониальным маршем проходили войска, присутствовавшие на Иордани.

¹¹ Кодовое имя немецкой принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской.

время мы не касались некоторого предмета, но сейчас, когда брат помолвлен¹², настал момент выказать свою любовь и доброту. Ведь для нее теперь, конечно, многое изменится в доме; и, хотя она очень рада за них, ей придется нелегко. О, если бы ты мог приехать сейчас, под предлогом повидать молодую чету, – это могло бы помочь делу.

Писал ли ты снова, и каков был ответ? Жаль, что ты игнорируешь меня, ведь если кто и помогал вам, то это была я; и именно со мной одной она говорила на эту тему. Впрочем, главное, чтобы ты добился успеха – только этого я желаю и об этом молюсь. Так что не думай, что я обижена, просто не забывай своего старого друга, который желает вам обоим счастья и который глубоко огорчен, что ваши юные сердца испытывают столько печалей. Она будет чувствовать себя вдвойне одинокой и несчастной, видя их счастливыми, тогда как ее собственное сердце и жизнь разбиты. Кто знает, не станет ли это последней каплей в горькой чаше, которая переполнит ее через край, и тогда ты придеешь ей на помощь.

Как утопающий, я хватаюсь за каждую соломинку, и все же не теряю надежды, ведь пока есть любовь – есть и надежда. Твое постоянство и терпение в конечном итоге, возможно, дадут ей силы преодолеть свое первоначальное решение. Дай Бог, чтобы этот год, наконец, соединил вас обоих в совершенном счастье.

Крепко любящая тебя, тетенька Элла».

Забавно было называть Эллу тетей, ведь она была старше Ники всего на четыре года. Но так повелось с самого начала, когда эта потрясающе красивая принцесса из немецкого Гессена вышла замуж за родного дядю Ники – великого князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора, и стала великой княгиней Елизаветой Федоровной. Одно время цесаревич был даже немного влюблен в нее, потому что... ну вы когда-нибудь видели ее профиль?

Потом подросла младшая принцесса Гессенская, и цесаревич перенес свое юношеское увлечение с замужней Эллы на ее не менее очаровательную сестру Алису, которая в 1889 году приехала на шесть недель в Петербург. Ники тогда признавался Сандро: «Она мне чрезвычайно понравилась; такая милая и простая, очень возмужала, если можно так выразиться; удивительно похожа на милую тетеньку, я то и дело путал обеих»¹³.

Ники имел глупость сообщить то же самое тетеньке Элле на обледеневшем балконе Зимнего дворца; тем выжженным февральским вечером 1889 года цесаревич поджег бикфордов шнур, и все осадки мира не в силах были его потушить. Элла загорелась идеей брачного союза своей сестры и наследника российского престола. В ту же секунду она объявила Ники, что сделает все, чтобы эта свадьба состоялась, несмотря ни на какие препятствия...

Несмотря даже на то, что эти двое, потанцевав немного в Петербурге, без особых сожалений распрощались друг с другом и вернулись к обычной жизни. Ники было двадцать, Аликс – шестнадцать, возраст мимолетных влюбленностей и быстрых разочарований. Как записал в дневнике сам Ники, «желание жениться продолжалось до завтрака, а потом прошло».

Да и у Аликс наследник российского престола не вызывал серьезного интереса, поскольку ради свадьбы с ним ей пришлось бы сменить веру, на что она никогда бы не согласилась.

На этом можно было бы поставить точку... Если бы не Элла.

Тетенька знала, как зацепить наивную молодежь. Она превратила сватовство в захватывающую шпионскую игру. Придумала кодовые имена наследнику и принцессе – Пелли-1 и

¹² Эрнст Людвиг, великий герцог Гессенский (Эрни), осенью 1893 года обручился с принцессой Викторией Мелитой Саксен-Кобург-Готской, которую в семье называли Даки (в переводе с английского – «уточка»).

¹³ Письмо цесаревича Николая Александровича великому князю Александру Михайловичу от 19 марта 1889 года.

Пелли-2, – и стала их секретным связным. Ники то и дело получал от Эллы письма с подробным рассказом о страстных чувствах Аликс к нему; тем временем Аликс с изумлением узнавала все новые подробности о необычайно сильной любви цесаревича к ней.

Поначалу игра казалась веселой, потому что была тайной. Но вскоре эта бесплодная переписка наскучила цесаревичу. Через год он уже едва помнил, как выглядит Аликс; а Элла все продолжала забрасывать Ники письмами о его будущей свадьбе с «милой Пелли». Даже в Восточном путешествии не было ему покоя – послания от великой княгини регулярно приходили на корабль «Память Азова», на котором он рассчитывал спрятаться от настойчивой тетеньки: «Вкладываю в свое письмо этот маленький конверт и цветок, который Pelly положила в мой бювар, – писала Элла. – Когда будешь в Иерусалиме, помолись за нее, чтобы она нашла в себе силы решиться...»

Ники по инерции поддерживал игру – он всегда старался избегать неловких ситуаций и тяжелых объяснений. А про себя надеялся, что когда-нибудь эта нелепая история выдуманной любви канет в прошлое, как средневековая оспа.

Но, похоже, так просто от «милой Пелли» ему не отделаться.

Цесаревич вздохнул, с тоской посмотрел на фотографию египетской пирамиды, снятой им собственноручно на новейший американский аппарат фирмы «Кодак» (спрятаться бы в толще древних камней от навязчивых родственников!), затем обмакнул перо в чернильницу и принялся строчить Элле насквозь фальшивый, но вежливый ответ, в котором всячески благодарил тетеньку за ее тяжкую работу Купидоном и выражал надежду на свое скорое венчание с Аликс – которую, честно признаться, он вряд ли узнал бы на улице, даже столкнувшись с «милой Пелли» нос к носу.

7–12 января. Петербург

Ники честно пытался выплатить Сандро бильярдный долг, но столкнулся с неожиданным препятствием.

Несколько дней он прикидывал, как бы так поаккуратнее разведать, что Ксения думает о Сандро и есть ли у кузена хоть какие-нибудь шансы на ее руку и сердце. Ники искренне считал, что эти двое составят отличную пару, но не хотел повторять ошибку тети Эллы и сводить людей против их воли.

Седьмого января Ники впервые поехал с Ксенией хлыщить¹⁴ по центру города и удивился, какая она теперь стала взрослая. Из-под элегантной шляпки, задекорированной черными и белыми перьями, выглядывали тщательно уложенные пряди. Бархатная шубка, отделанная соболями, притягивала взгляд искусной вышивкой. Тончайшая талия, прямая спина – словно и не было никогда той железнодорожной аварии, которая надолго приковала великую княжну к постели. Неужели малышке Ксении уже восемнадцать?

Ники улыбнулся:

– Прелестно выглядишь! Все женихи падут к твоим ногам.

Сестра смутилась:

– Ах, Ники, какой ты смешной!

Цесаревич махнул кучеру: «Трогай!», а сам стал думать, как бы половчее перейти к делу. Пока он колебался между двумя одинаково ужасными вариантами «у вас товар, а у нас купец» и «я знаю одного игрока на бильярде, который мог бы стать отличным мужем», Ксения сама начала разговор:

¹⁴ Шутливое слово, придуманное императором Александром III для обозначения торжественного проезда членов царской семьи в карете или санях по главным улицам Санкт-Петербурга. От слова «хлыщ» (*разг.*) – франтоватый и легкомысленный молодой человек; фат, щеголь.

– Ники, ты вот сказал сейчас про женихов... Как ты думаешь, Папа когда-нибудь позволит мне выйти не за иностранного принца, а за русского?

– За русского принца? – заинтересовался Ники. – Так-так, и за кого же?

– Ни за кого! – вспыхнула Ксения. – Я просто так спрашиваю. Теоретически.

– А, ну если теоретически... – снова улыбнулся Ники. – Я очень надеюсь, что да. Папа что угодно для тебя сделает.

– Даже нарушит трехвековой закон? – обрадовалась Ксения.

– Он же император, ему все можно! – подтвердил Ники.

– Ах, Ники, хоть бы ты был прав! – мечтательно протянула Ксения, поправляя шляпку и кивая знакомым в соседней карете. – Тогда бы я могла выйти за человека, которого люблю.

– Стоп, – ошарашенно сказал цесаревич, и кучер резко остановил экипаж. – Да не ты, дубина! – крикнул Ники, и после возобновления движения продолжил: – Ксения, ты влюблена? Почему я впервые об этом слышу? Ты всегда мне все рассказывала.

– Понимаешь, любовь – она как бабочка, к ней нельзя прикасаться, – вздохнула Ксения. – Я боялась, что если расскажу кому-нибудь о своей любви, все пойдет не так...

– Понимаю, – энергично закивал Ники, думая о тетеньке Элле. – Вот уж точно другие люди только все портят. Что ж, сестренка, надеюсь, твой избранник тебя достоин!

– Он самый лучший, – застенчиво сказала Ксения.

– А я-то, дурак, хотел тебе Сандро сватать...

– Сандро?! – Ксения распахнула ресницы. Глаза ее, обычно печальные из-за постоянной боли в спине, засветились весельем и счастьем. – Не может быть! Ах, Ники, я же его и люблю! Вот уже целых четыре года...

– Ура! – восторженно завопил Ники, напугав лошадей так, что кучер едва их удержал. – Какая удача! Сейчас я тебя, сестренка, обрадую до небес, открою один секрет. – Он доверительно наклонился к Ксении. – Сандро тоже тебя любит! Представляешь? Теперь вам осталось только признаться друг другу в своих чувствах – и дело в шляпе!

«И мой бильярдный долг погашен», – мысленно прибавил цесаревич.

Однако, против его ожидания, Ксения погрузилась.

– Ни в какой не шляпе, Ники, – она рассеянно махнула перчатками жандарму, вытянувшемуся по стойке «смирно» при виде царской кареты. – Сандро еще прошлой зимой сделал мне предложение, и я согласилась. Он сразу побежал к Папе просить моей руки, но Папа сказал, пусть приходит через год. А вдруг сейчас Папа совсем откажет? Без его благословения я не могу выйти замуж, не могу так поступить с нашим любимым Папой, он и так совсем разболелся, вчера к Иордани не смог подойти... Но и Сандро я тоже люблю... Что же мне делать, Ники?

Ники расстроился. Ситуация оказалась гораздо сложнее, чем он думал. Дело было уже не в бильярдной ставке. Как помочь другу и сестре?

И цесаревич развил бурную деятельность. Тем же вечером он отправился с Мама в театр, хотя не слишком-то хотел смотреть тяжелую пьесу «Смерть Пазухина», зато по дороге он обсудил с императрицей тайну Ксении и Сандро. Выяснилось, что для Марии Федоровны это никакая не тайна, поскольку Папа уже год назад рассказал ей о предложении Сандро. В целом Мама была настроена благосклонна и пообещала помочь Ники убедить отца дать согласие на этот брак. «Мы с Папой живем ради вас, наших детей, и мечтаем, чтобы каждый из вас нашел свое счастье, – добавила Мария Федоровна. – Как бы мы хотели, чтобы и ты поскорее женился, Ники!»

Цесаревич замялся: «Пока не на ком...»

На протяжении следующих двух дней Ники с Мама уговаривали императора нарушить традицию петровских времен и позволить великой княжне выйти замуж за своего соотечественника, а не за чужого королевича. Папа сначала сомневался, он был большим консерватором; но после особенно тяжелого приступа кашля, задыхаясь, спросил: «Они правда любят

друг друга? Что ж, тогда пусть женятся. Я хочу умереть спокойно, зная, что моя дочь замужем за хорошим человеком. А Сандро я люблю». Ники с Мама наперебой принялись его целовать, обнимать, благодарить и уверять, что ничего он не умирает, ему еще жить да жить, внуков нянчить! Папа, весь горячий и красный, слабо улыбнулся: «Ладно, ладно. Давайте мне сюда вашего Сандро. А еще лучше пусть его отец придет, для этого брака надо многое устроить. Не с мелюзгой же обсуждать финансы».

Ники побежал строчить радостное письмо Сандро, по пути заглянув к Ксении и обрадовав ее до обморока. А Мама тем временем отправила телеграмму в Москву, доктору Григорию Антоновичу Захарьину, который уже однажды поставил императора на ноги – после той катастрофы в Борках. «Доктор Захарьин приедет и сразу его вылечит», – успокаивали друг друга Ники и Мария Федоровна.

После всех треволнений цесаревич отдохнул душой в Мариинском – шла возобновленная «Катарина». В главной роли дочери разбойника танцевала дивная Пьерина Ленъяни – грациозная итальянка с искорками в глазах и буйными темными кудрями. Она кружилась по сцене, как заведенная. Двадцать восемь фуэте! Ники аплодировал ей стоя, а потом побежал за кулисы. «Никогда не видел ничего подобного! – восхищался он, вручая балерине цветы. – Я от восторга пьяный, синьорина Ленъяни... О, даже стихи получились! Вот как вы меня вдохновили!»

Отличное настроение Ники достигло «крещендо» двенадцатого января. Весь день в Аничковом дворце царило оживление. Утром приехал дядя Миша¹⁵, отец Сандро. После завтрака он попросил аудиенции у Папа – и спустя полчаса вышел из кабинета сияя. Тут же был вызван Сандро; из своей комнаты прилетела Ксения в простой белой шелковой блузе и синей юбке. Взявшись за руки, влюбленные вошли в кабинет, где их ждали Папа и Мама...

Уже через несколько минут вся семья собралась в кабинете, все шумно принялись поздравлять Ксению и Сандро с помолвкой. Обрученные выглядели счастливыми и растерянными. Папа нежно сжимал руку Мама, оба улыбались. Ники крепко обнял сестру и кузена. «Ну, выплачен мой долг?» – шутливо шепнул он Сандро. «С процентами!» – рассмеялся жених.

Пока во все концы мира летели телеграммы, цесаревич отправился праздновать чудесное событие в маленький прелестный особняк на Английском проспекте, 18.

– Ники! – Матильда всегда так радовалась приходу наследника.

– Моя дорогая пани, – выдохнул Ники, сжимая любимую в объятьях.

Потом они сидели на полу спальни, пили шампанское за здоровье Ксении и Сандро и целовались.

– Я так люблю тебя, – сказал Ники, накручивая на палец распущенные локоны Матильды.

– Правда? А как же та итальянка? – ревниво отозвалась Матильда, отворачиваясь. – Я все знаю про цветы! Ты плохой мальчик.

– Никто не сравнится с моей пани! – пылко возразил Ники, привлекая ее к себе. – Ленъяни для меня ничего не значит...

– Докажи, – игриво предложила Матильда.

– Знаю! Знаю как доказать! – вдруг осенило Ники. – Если Папа разрешил Ксении нарушить этот трехвековой закон, так может, мне тоже можно? Вдруг он и мне позволит жениться, на ком я хочу? А мне не нужны никакие дурацкие принцессы! Если и жениться, то только на тебе! Хочу жениться на моей Матильде!

– Какой же ты еще наивный ребенок, – вздохнула Кшесинская.

¹⁵ Великий князь Михаил Николаевич, наместник царя на Кавказе.

Февраль

17 февраля. Петербург

Ники все-таки получил новую игрушку – американский эольен. Сандро отдал ему инструмент просто так, на радостях, чтобы отблагодарить за помощь в помолвке. И цесаревич, страстный любитель всевозможных хитроумных вещей, пропал. Каждую свободную минуту Ники возился с чудо-фисгармонией и за три недели успел ужасно надоесть всем обитателям Аничкова дворца своими бесконечными и чрезвычайно подробными рассказами об устройстве этой музыкальной новинки.

Эольен был похож на фортепиано только на первый взгляд. У него была клавиатура и две педали, но внутри корпуса, изящно отделанного деревянными кружевами, таились трубы разного диаметра. Каждая труба имела свой голос. Играть на этом домашнем органе можно было и по старинке, нажимая на клавиши. Но главное – эольен умел воспроизводить музыку самостоятельно!

Ники открыл коробку красного дерева, купленную Сандро в комплекте с инструментом. На бархатной обивке ровными рядами лежали нотные катушки – ролики размером с кавалерийский пистолет, обмотанные перфорированной нотной бумагой. Ники выбрал катушку с надписью «Клод Дебюсси. Грезы» и с приятным щелчком вставил ролик в корпус над клавиатурой.

– Многоуважаемые дамы и господа, – обратился цесаревич к веселому фарфоровому Будде, которого он привез из Бангкока, – приглашаю вас насладиться премьерой. Вы присутствуете при первом механическом исполнении новой пьесы Дебюсси!

Усевшись на банкетку перед эольеном, Ники поставил ногу на правую педаль – ролик с пьесой медленно закрутился. Бумажная лента с нотами-дырочками пришла в движение. Ники надавил второй ногой левую педаль – и трубы внутри инструмента, повинаясь сжатому воздуху, тихонько загудели одна за другой – в точном порядке, задуманном маэстро Дебюсси.

Ники нажал правую педаль сильнее – эольен заиграл быстрее. Левую – эольен заиграл громче.

Фарфоровый Будда, казалось, вот-вот разразится восторженными аплодисментами.

Поставив напоследок своего любимого «Фаэтона» Сен-Санса, Ники с сожалением закрыл эольен и отправился в полк, где его уже ждал Сережа Ванновский, сын военного министра, недавно вернувшийся с дико романтического сверхсекретного задания.

Загорелый, как сто чертей, небритый и осунувшийся, капитан Ванновский с энтузиазмом налегал на лосося со спаржей, закусывая деликатес простыми ржаными пирожками-калитками с яйцом и рисом. Ники заказал кофе с капелькой французского коньяка, парижский пломбир в сервской фарфоровой чашечке-креманке и, едва дождавшись, пока Ванновский доест своего лосося, набросился на него с расспросами:

– Ну, Серж, как Памиры? Там же горы, снег, где ты умудрился так загореть? Что афганцы? Я слышал, вы держались против них как триста спартанцев. Давай подробности! Ты выжил, это уже хорошая новость...

– Что ж, Ники, думаю, мы выиграли этот раунд Большой игры! – устало сказал Ванновский, откидываясь на спинку стула и указывая официанту на завтрак цесаревича: «Мне то же самое, братец». – Но далось это очень и очень непросто...

Цесаревич затрепетал в предвкушении увлекательного рассказа. Что за день сегодня, что за день! После потрясающей игры на эольене – новая серия Большой игры, самого экзотиче-

ского конфликта России и Великобритании за последние десятилетия, разворачивающегося на территории Афганистана.

Эта небольшая, но упрямая страна располагалась аккурат между российским Туркестаном и британской Индией. Каждой империи хотелось причислить Афганистан к своим владениям. Русский медведь и британский лев сошлись в нешуточной схватке за афганского ишака. Который, как Буриданов осел, на протяжении всего девятнадцатого века никак не решался сделать выбор между двумя одинаково опасными друзьями.

Девять лет назад случился кризис – русские войска ввязались в серьезные бои с афгано-британскими отрядами. В горах Памиры стремительно разгоралась эпическая война двух империй, которую едва удалось потушить петербургским и лондонским дипломатам.

Однако границу, установленную с таким трудом, никто толком не соблюдал – она проходила по горным перевалам и обрывам, как за ней уследишь? И пока министры иностранных дел России и Великобритании разыгрывали замысловатую шахматную партию, споря из-за каждого квадратного дюйма далекой горной страны, в самом Афганистане творилось нечто подозрительное. Все чаще приходили сообщения о вылазках афгано-британских группировок в подконтрольные России области – Шугнан и Рошан. Афганцы собирали с местного населения подать, не имея на то никакого права.

Проверить эту информацию нужно было чрезвычайно осторожно – любое неосторожное движение могло запросто обрушить многолетние, шаткие, как карточный домик, русско-британские переговоры. Молодой капитан Ванновский – блестящий преображенец, отличник Николаевской академии Генштаба, находчивый и хладнокровный – подходил для этой миссии идеально.

– С чего бы начать? – задумался Серж, смакуя кофе с коньяком. – Перед отправкой в Памиры отец ввел меня в курс дела – подробно объяснил, на какой стадии находятся сейчас наши переговоры с королевой Викторией...

– Брось ты эту королеву! – нетерпеливо отмахнулся цесаревич. – Ненавижу большую политику. Меня тошнит от международных отношений, такая скука! Ты лучше расскажи, как вы перетаскивали лошадей через перевалы – вот это по-настоящему интересно!

– Труднее всего пришлось на перевале Гушхон, – сообщил Ванновский. – Мы были там первыми русскими. Шли по рушанским тропинкам, по висячим деревянным карнизам, по ступеням в скалах... Доплелись наконец до перевала. Сначала уложили камни, чтобы они не так легко осыпались. Потом приступили к втаскиванию лошадей. Вообрази, Ники: каждую лошадь приходилось тянуть вчетвером, держа за путлища или за вьюк и поддерживая зад за хвост! Пока всех лошадей перетаскали, прошло пять часов...

– Как бы я хотел быть там, с вами! – чуть не плакал цесаревич.

– Лошадей на себе таскать? – усмехнулся Ванновский. – Тогда слушай дальше. Пошли мы на перевал Шид-Ак-Ба, а там гигантский ледник. Спуститься с него без разработки – невозможно. А у нас всего-то два топора да наличные шашки. Лошади три дня без подножного корма, два дня без ячменя, питаются нашими лепешками, которых осталось раз-два да обчелся. Прибавь сюда жутко разреженный воздух и сильный мороз. Кстати о морозе... – Тут Ванновский отвлекся на пломбир, с аппетитом запивая десерт горячим кофе. – Эх, до чего же вкусно! В экспедиции-то мы сухарями да крупой питались...

– Ну-ну! – Ники требовал продолжения. – А потом-то что было на этом перевале?

– А то, что одна лошадь сорвалась со спуска и, покотившись по леднику, попала в щель, где и убилась на месте, – сурово доложил Ванновский. – Через два дня мы кое-как сползли с этого ледника. Шли все время пешком, потому что голодные лошади на льду положительно шатались под всадниками. В итоге от подошв у людей не осталось и помину, ноги обвертывались кожей, снятой с битых быков, у расковавшихся лошадей копыта обламывались до белой линии. Ну как, ты все еще хотел бы быть там с нами, Ники?

– Безусловно, – решительно сказал цесаревич. – О таких приключениях только мечтать.

– Ладно, – Ванновский вошел в азарт. – Тогда вот тебе история. У кишлака Имц мы наткнулись на отряд Азанхана – в пять раз больше нашего! Они начали стрелять, прячась за скалами. Местные жители разбежались, прихватив с собой все продовольствие. Мы укрылись в местной крепости, в первые же часы подстрелили шесть афганцев.

Подчиненные мне господа офицеры были на высоте своего призвания – в бою вели себя безупречно... Но осаду мы долго выдержать не могли – лепешек у нас было мало, патронов тоже... В темноте уже я отдал приказание отойти с позиции к ставке. Тяжело было принять решение отойти, тяжело было и приказать это решение молодцам, доблестно защищавшим в течение семи с часов позицию. Но я не мог допустить потери личного состава, ведь свою миссию в Памире мы выполнили. Наглое поведение афганцев доказало правдивость слухов – британцы действительно вторглись в Рушан и Шугнан. И я уже доложил об этом в Генеральный Штаб...

– А на бурдюках из козьей шкуры вы по горным речкам сплавлялись? – перебил его цесаревич.

– Не приходилось, – поднял брови Ванновский.

– Тогда я пошел, – Ники неохотно встал. – Меня батальон ждет – построение у нас сегодня. Я и так тут с тобой засиделся.

Это был уже третий парад за неделю. И с каждым разом преображенцы маршировали все лучше. Цесаревич водил свой батальон с Миллионной на Дворцовую – поротно и сомкнутой колонной, шагом и бегом. Ходить было легко – снега на площади почти не было, всю неделю стояла ясная, бодрящая погода.

Сегодня батальон показал идеальную слаженность. Четкие движения, уверенные лица. Строгая красота военной хореографии!

Ровно в два часа полк выстроился перед Зимним. Пар от разгоряченных гвардейцев в касках с пышными султанами уходил в бледно-голубое петербургское небо. Темно-зеленые мундиры с красными настежными лацканами роскошно смотрелись на фоне кирпично-красных стен и белоснежных колонн императорского дворца. Пестрая масса восторженных горожан заполнила все прилегающие к площади проспекты и набережные.

Гордость охватывала цесаревича, когда он стоял навтыжку перед резиденцией своих венценосных предков, во главе восьми сотен богатырей – все как на подбор отличные ребята, лучшие из лучших, цвет нации. С такой армией и мировая война не страшна!

Костя лихо прогарцевал вдоль строя, похвалил цесаревича за превосходную работу. Ники, довольный, отправился обедать в офицерское собрание Конногвардейского полка, а затем в Мариинский. Разве можно пропускать «Лебединое озеро»?

Цесаревич очень любил балет.

20 февраля. Петербург

Пушистые черные помпончики порхали по сцене, подпрыгивали и вертелись вместе со своей озорной хозяйкой. Матильда была сегодня страстной цыганкой Пахитой, лучшей танцовщицей под белым небом Испании! Французский граф, молодой офицер Люсьен, бросился к ее ногам. О, как он мечтал жениться на этой экстравагантной красотке в цветастой юбке, усыпанной блестками! Ее кастаньеты сводили его с ума. Увы – ноблесс оближ. Нельзя богатому аристократу влюбляться в простую танцовщицу.

Если только она не окажется графиней, похищенной в младенчестве цыганами!

Ники обожал «Пахиту». В этом балете было все: танец-кружево, погони и балы, плащи матадоров, наполеоновские войны, цыганские бубны, а главное – потрясающий финал. Геро-

иня Кшесинской, узнав о своем благородном происхождении, обрела право на счастье с офицером Люсьеном.

– Маля, неужели у твоего отца не осталось совсем никаких фамильных документов? – жалобно спрашивал Ники, сидя в гримерке Кшесинской после спектакля. Он любил здесь бывать – эта узкая комнатка всегда была заполнена свежими цветами, стены радовали глаз яркими афишами с портретами Матильды, сладкий аромат духов любимой будоражил воображение цесаревича.

– Только кольцо, – в сотый раз отвечала Матильда, вынимая из прически шпильки и бережно снимая баскский берет с игривыми помпонами. – Больше никакой связи с графским родом Красинских у нас нет. Милый, передай, пожалуйста, шаль – ужасный сквозняк... Ты читал сегодня Плещеева?

– Что? Ах, нет, какой Плещеев – не до Плещеева мне сейчас, – досадливо отмахнулся цесаревич. – Дай-ка мне кольцо еще раз посмотреть.

Матильда достала из шкатулки старинный перстень с дворянским гербом и, пока Ники крутил его в руках, зачитала цесаревичу впечатления придиричливого балетного критика Александра Алексеевича Плещеева, посетившего накануне ее спектакль и оставшегося в полном восторге:

«За несколько лет до своих дебютов г-жа Кшесинская, будучи еще девочкой, танцевала в «Пахите» в известной мазурке, и тогда уже синклит балетоманов предсказал ей блестящую будущность. На нее особенно указывал А. А. Гринев, и был, как видите, прав...»

– Все это прекрасно, – рассеянно сказал цесаревич, пристально разглядывая герб: на лазоревом поле серебряная подкова, увенчанная золотым крестом, а на нем черный ворон с золотым перстнем в клюве. – Но гораздо больше меня волнуют твои корни. Я все время думаю – а вдруг? А вдруг удастся доказать, что ты графиня Красинская? Ведь тогда мы будем как Пахита с Люсьеном! Родители будут счастливы... И я наконец смогу на тебе жениться...

Матильда насмешливо подняла бровь:

– Ники, милый, сколько же балетной чепухи у тебя в голове! Цыганки-дворянки, внезапные повороты сюжета и – вишенка на торте – счастливая свадьба двух влюбленных. Но в жизни таких мелодрам не бывает – только на сцене... Наши права восстановить невозможно, иначе я бы сейчас принимала тебя в нашем семейном замке в Польше, а не сидела бы здесь на сквозняке. Мой прадед, граф Войцех Красинский, лишился всех своих владений из-за происков жадного дяди, архивы сгорели во время войн и восстаний – впрочем, ты и так все это знаешь, зачем я буду повторять! Давай лучше поговорим о драгоценной броши, которую ты подарил этой авантюристке Ленъяни пару недель назад... Нет, какой все-таки мороз в гримерке! – Она со стоном облегчения размотала тесные пуанты и сунула отекавшие ноги в валенки, всегда дежурившие под столом. – Так плохо этой зимой заклеили мне рамы, сплошные щели... Так что там насчет броши?

Ники смешался:

– Нет-нет, ты все неправильно поняла... – Цесаревич покраснел и фальшиво засмеялся. – Был бенефис Ленъяни в чудной «Коппелии»¹⁶, я не мог пропустить... И это был общий подарок, дяди на него скинулись, я почти ничего и не потратил, просто поднес ей эту брошку и все... – Тут он спохватился: – А откуда ты вообще про эту брошь узнала? Тебя же в тот день не было!

¹⁶ «Коппелия» (полное название «Коппелия, или Красавица с голубыми глазами», фр. Coppélia) – комический балет французского композитора Лео Делиба. Либретто написано по новелле Э. Гофмана «Песочный человек». Главная женская партия – Сванильда, притворяющаяся механической куклой Коппелией. Изначально спектакль планировали назвать «Нюрнбергская кукла», но затем решили отойти от точной локализации истории – это давало большую свободу национальным танцам, – и балет получил название «Коппелия».

– Это мой театр, – Матильда зябко повела плечами и покрепче закуталась в шаль. – Я знаю все, что происходит в Мариинском, потому что этот театр – мой. Пусть даже он и выстуженный насквозь, как иглу эскимоса. Система отопления здесь никуда не годится! – Матильда в ажитации вскочила с банкетки – юбка с помпончиками взметнулась ярким вихрем – и подлетела к чугунной батарее под окном: – Ледяная, пожалуйста! Ну а что тут удивляться? Паровые котлы у нас знаешь какие? Корнваллийские! Гигантские, как локомотивы, а тепла от них не больше чем от котенка. Давным-давно эти котлы устарели. А локомотивы в машинном отделении? Поверишь ли, всего по двадцать сил имеют...

Ники понятливо кивал, радуясь, что Матильда переключилась на свою любимую тему. Его всегда удивляло, с какой страстью балерина рассуждает о сложных инженерных коммуникациях и как хорошо разбирается в строительстве. Вся в отца! Феликс Кшесинский был не только гениальным танцором, но и отличным хозяйственником.

Однако, вернувшись к зеркалу, Матильда не преминула ревниво поинтересоваться:

– Ну и как тебе «Коппелия»?

Ники откашлялся:

– Прелестная музыка.

– Вот как? Скучноват комментарий от театрального законодателя и почетного гражданина кулис, – Матильда иронично прищурилась. – А что скажешь насчет Леньяни? Как она справилась с ролью нюрнбергской куклы?

– Ты станцевала бы лучше! – уверенно сказал Ники, почти не покривив душой. – Леньяни может и крутит тридцать два фуэте, но во всем остальном ты ее положительно превосходишь.

Матильда нахмурилась:

– Тридцать два? Я уже делаю двадцать фуэте и более. Днем и ночью тренируюсь, верчусь как дервиш каждую свободную минуту – в столовой, спальне, даже здесь, в этой узкой гримерке. Еще немного, и я перекручу эту выскочку Леньяни, заберу у нее «Коппелию»! Так что готовь новую брошку, милый Ники, – для меня!

Матильда вся покраснела от ревности – профессиональной и личной. Как же она была сейчас хороша! Шаль упала, открыв точеные руки; черные локоны рассыпались по белым плечам; блестящая цыганская юбка пробуждала в цесаревиче древние инстинкты.

Ники решительно привлек Матильду к себе.

– Брошку, полцарства, что угодно, – бормотал цесаревич, вдыхая запах ее волос, как опиум. – Только будь со мной рядом.

– Я буду – если ты захочешь, милый Ники, – грустно прошептала Матильда. – Но я все время думаю о твоей нюрнбергской кукле.

– Ты опять про Леньяни? – с досадой переспросил цесаревич, распутывая тугие шнурки балетного корсета. – Дела мне нет до нее!

– Я про другую – ну хорошо, назовем ее более точно гессенской куклой, хотя Нюрнберг там совсем рядом...

– Аликс? – Ники расхохотался. На этот раз искренне. – Можешь не беспокоиться. Жду встречи с тетенькой Эллой, чтобы наконец раз и навсегда покончить с этой темой. Я уже и речь продумал. Скажу – хватит с меня ваших фантазий, тетенька. Я сам решу, на ком и когда мне жениться... Ну что это за шнуровка такая! Никак не поддается...

– Оставь, мой милый, – Матильда нехотя высвободилась из его объятий. – Мы же в театре. Наверняка кто-нибудь подслушивает под дверью прямо сейчас.

– Маля, ты меня просто убиваешь, – расстроено сказал цесаревич, без сил падая в истертое кресло у стены. – Если бы я только мог вытащить тебя отсюда! Я дал бы тебе все, ты бы танцевала только на императорских балах – и только со мной.

– Вот еще! – кокетливо отозвалась Матильда, вернувшись к своему обычному приподнятому настроению. – Балет – это лучшее, что со мной могло произойти. Прости, Ники, но ты

на втором месте после его величества Танца. И перестань травить себе душу, воображая нашу свадьбу. Этого никогда не произойдет – будь реалистом, милый!

– Ты говоришь совсем как Мама, – вздохнул цесаревич. – Она и слышать не хочет о тебе... А к Папа я и вовсе не пошел после разговора с ней... Почему Ксении можно все, а мне ничего? – с детской обидой спросил Ники.

Матильда убрала графский перстень Красинских в кедровую шкатулку, которую цесаревич привез ей из Египта, и старательно заперла крышку, инкрустированную золотыми жуками, фараонами из слоновой кости и черными котами из оникса.

– Ты наследник престола могучей империи, милый Ники, – пожала плечами Матильда, вновь закутываясь в шаль. – Хочешь ты этого или нет, но на тебя смотрит весь мир.

Ники упрямо поджал губы. Цесаревич уже давно всерьез обдумывал отречение от грозной шапки Мономаха, сумрачной тучей нависающей над ним с самого его рождения. Как хорошо живется обычным великим князьям, которые до самой старости ведут простую офицерскую жизнь, никто и внимания на них не обращает!

Скорее бы отцу стало лучше! Тогда Ники сможет объявить семье о своем решении. Папа, конечно, сильно огорчится, но ведь есть еще брат Джоржи¹⁷ – доктора уверяют, что горный климат Абастумана¹⁸ скоро поставит его на ноги, кавказский воздух – лучшее лекарство при чахотке; а еще подрастает брат Миша, ему уже пятнадцать лет...

– Ладно, – Ники встал и оправил гвардейский мундир. – Пусть я пока не могу на тебе жениться – но хотя бы распоряжусь, чтобы окна тебе заклеили. Моя графиня не должна мерзнуть.

21–25 февраля. Петербург

Балов в этом месяце было слишком много. В Зимнем дворце: Большой бал, потом Первый Концертный бал, через четыре дня – Второй. В Аничковом: сначала бал попроще, для разминки, а затем, при чудном солнечном освещении, презабавный фоль-журне¹⁹, на котором Ники и Сандро плясали девять часов подряд, как истинные мученики! Кружились в бешеном котильоне, фигурили, бегали по всему залу и в изнеможении падали на стулья, чтобы через короткое время вновь скакать по паркету. Друзья пропотели раз двадцать; платки превратились в мокрые тряпки.

А еще был шикарный бал в отеле германского посольства на Большой Морской. У Вердера²⁰ собрался весь Петербург! Даже Папа согласился приехать. Ники до двух часов ночи танцевал с самыми красивыми дамами: графиней Шуваловой в платье трудно уловимого цвета «электрик» с голубой перевязью; графиней Родигер в платье из белого газа, отделанного лентами «омбре», и бриллиантами в прическе; графиней Гейден в платье из шелка светлой стали с античными кружевами, дополненными цветами фиалки... Папа, конечно, не танцевал, играл в соседней комнате в винт²¹ со своими занудными министрами, а Мама исполнила кадрили с германским послом, мазурку – с австрийским, а потом Ники так увлекся своими нарядными партнершами, что про родителей совершенно забыл.

¹⁷ Домашнее имя великого князя Георгия Александровича, брата Николая.

¹⁸ Абастумани – горноклиматический курорт в Адигенском муниципалитете Грузии. Располагается на южном склоне Месхетского хребта, в ущелье реки Оцхе, на высоте 1250–1450 м. В Абастумани чистый горный воздух, умеренная сухость, нет сильных ветров. На горных склонах – леса (сосна, ель, пихта). Лето умеренно теплое, зима мягкая. Курорт основан в середине XIX века и назывался Аббас-Туман (Абастуман). До 1917 года входил в Ахалцихский уезд Тифлиской губернии.

¹⁹ Folle Journée, по названию пьесы Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро» – бал в честь Масленицы, наполненный веселыми забавами и развлечениями.

²⁰ Германский посол в Петербурге генерал-адъютант Бернгард Франц Вильгельм фон Вердер.

²¹ Карточная игра, популярная в конце XIX века. Возникла из сочетания виста и преферанса.

Но самый лучший бал этого сезона – костюмированный! – дал граф Шереметев двадцать первого февраля.

– Ребята, ребята, – твердил Ники за пару недель до этого грандиозного события, – я в полном отчаянии! Как? Как нарядиться? Вот вопрос, который не дает мне спать по ночам! Идеи есть?

Ксения и Сандро сидели у цесаревича в кабинете, призванные на особо важное совещание. Эти трое всегда были дружны, но после недавней помолвки стали и вовсе неразлучны.

В кабинете было четыре удобных стула – тяжелых, резных, крытых зеленым сафьяном. Рабочее кресло цесаревича удивляло невиданной конструкцией – мебельный мастер Стремборг спрятал в толстой дубовой ножке винт-стержень и рессоры из пары стальных полос, благодаря чему Ники мог крутиться на сиденье и задорно раскачиваться туда-сюда.

Однако молодежь, вместо того чтобы воссесть на византийской мебели, устроилась на полу возле уютного камина. Сандро нежно обнимал Ксению, влюбленные то и дело принимались целоваться, не стесняясь брата, да Ники был только рад за них и снисходительно улыбался, глядя на эту счастливую парочку.

Однако проблема грядущего костюмированного бала требовала решения!

Ники, ловко управляясь с кочергой, закопал поглубже в угли три картофелины и принялся перечислять, загибая пальцы:

– Мушкетером я был в восемьдесят восьмом, Онегиным – в девяностом. Сейчас можно было бы представиться Дюрером²², мы с ним похожи, как две капли воды, вы видели его автопортреты? Но Костя уже зарезервировал для себя Борджиа²³, значит, европейское средневековое отпадает... Разве что в греческом стиле что-нибудь? Пойдет мне туника? Подумываю нарядиться Аполлоном, покровителем искусств. Я читал, что у него тоже зеленые глаза, как у меня. Осталось только раздобыть где-то кифару, серебряный лук и золотые стрелы... Ах да, и еще обязательно сандалии со шнуровкой. И лавровый венок, конечно...

– Почему бы тебе не стать фараоном? – предложил Сандро, кивая на двух миниатюрных нефритовых сфинксов, стороживших рабочий стол цесаревича. – Ты же любишь все восточное.

– Громадный золотой воротник и набедренная повязка? – задумался Ники. – Интересно!

– Нет, мальчики, все ваши предложения просто глупые, – вмешалась Ксения, подкалывая прическу. – Во-первых, картошку пора доставать из камина, а то останемся голодными. Во-вторых, Ники, ты что, всерьез хочешь щеголять перед всеми голыми коленками? Русской зимой! Ну, знаете... У меня есть идея получше. Я сейчас!

Пока Ники с Сандро, обжигая пальцы, вытаскивали из огня картофель и раскладывали добычу на изумительном серебряном блюде в форме чайного листа, которое цесаревичу подавали в китайском Ханькоу при осмотре фабрики кирпичного чая²⁴, Ксения сбегала в свои комнаты и вернулась с солидным фолиантом в темно-синем кожаном переплете:

²² Альбрехт Дюрер (1471–1528) – немецкий живописец и график, один из величайших мастеров западноевропейского Ренессанса. Биографы отмечают, что, обладая привлекательной внешностью, Дюрер особенно любил изображать себя в молодости и воспроизводил свой облик не без «тщеславного желания понравиться зрителю». На одном из автопортретов Дюрер очень напоминает Христа. Обаятельный художник стал одним из главных героев увлекательного романа Кристофера Бакли «Собирающий реликвии» (2015).

²³ Чезаре (Цезарь) Борджиа (1475–1507) – политический деятель эпохи Возрождения из испанского рода Борха (Борджиа). Предпринял неудачную попытку создания в центральной Италии собственного государства под эгидой Святого Престола, который занимал его отец Папа Римский Александр VI. Его борьба за власть послужила главным источником вдохновения для романа Никколо Макиавелли «Государь». Борджиа принадлежит крылатая фраза: «Быть Цезарем или никем».

²⁴ Консул в Ханькоу П. А. Дмитревский в своем донесении в Императорский МИД от 7 мая 1891 года сообщает подробности о посещении русских чайных фабрик в Ханькоу наследником: «Осмотр фабрики начался с материала в метках – чайных высеков, из которых вообще прессуются кирпичи. Затем Его Императорское Высочество изволил осмотреть распаривание материала, насыпку его в формы и прессование его паровым прессом. Отсюда поднялись в верхний этаж, где вынутые из форм кирпичи просушивались, сложенные в длинные многочисленные поленницы. Затем осмотрены были отделения, где кирпичи свешиваются, завертываются в бумагу с этикетками и укладываются в плетеные из бамбука корзины, выложенные внутри не

– Вот, Ники, твое спасение! Признайтесь, мальчишки, вы ведь не следите за модными тенденциями, правда? Утром и вечером – в мундире, как вот эта картошка. А я не так давно побывала на одной замечательной выставке в Николаевском дворце – оттуда и этот каталог. Перед вами, господа, сто страниц потрясающих идей для костюмированного бала!

Ники, отряхнув руки, бережно раскрыл книгу. Замелькали перед ним кафтаны, полукафтанчики, сарафаны, сорочки, шубейки, душегрейки, епанечки²⁵, кички с сороками и позатыльниками²⁶, ленты с подвесом, повойники²⁷, девичьи венцы, кокошники, унизанные жемчугом и украшенные перламутром...

– Наталья Леонидовна Шабельская²⁸ колесит по всей России, собирает коллекцию исторических костюмов – уже четыре тысячи предметов набрала! – с восхищением сообщила Ксения. – В Москве у нее свой «Музей старины». А позируют для каталога ее дочери. Посмотрите, как им идут сарафаны!

– Но тут одни женские наряды, – разочарованно сказал цесаревич, листая иллюстрации, аккуратно раскрашенные акварелью.

– Это же просто для вдохновения! – воскликнула Ксения. – Давайте вдвоем оденемся в старорусском стиле! Я буду боярышней в кокошнике, Сандро – стрелцом, или даже стрелецким головой²⁹, а Ники – может, ты царем Алексеем Михайловичем нарядишься?

– Ни в коем случае! – запротестовал цесаревич. – Не хочу я быть царем. Лучше... О, знаю! Сокольничим³⁰, конечно! Обожаю охоту.

И закипела работа во всех петербургских мастерских. Одежду друзья заказали у костюмера Мариинского театра Пипара, головные уборы – у Бруно, перчатки – у Прогге, сапоги – у поставщика императорских театров Левшtedта.

Ники буквально разрывался между полком, Матильдой и подготовкой к шереметевскому балу. На рабочем столе цесаревича творился хаос: тактические задания, которые Ники сочинял для своего батальона с целью экзаменовки гвардейцев, перемешались с эскизами костюма сокольничего. Цесаревич, получивший неплохое художественное образование, собственноручно набросал для костюмеров бархатную шапку с меховой опушкой, алый бархатный кафтан со стоячим воротником и двуглавыми орлами на груди и на спине, нарядные нарукавники с бахромой, расшитые золотыми соколами. Уже через несколько дней пошли первые примерки, и наконец, заветный день наступил.

Успех был оглушительным! Остальные гости Шереметева, одетые кто ветхозаветной Юдифью, кто королевой Марго в гофрированном воротнике, кто крестоносцем в белой рясе

пропускающими воду пальмовыми листьями. Отсюда спустились в другое отделение фабрики, где работали гидравлические прессы и фабриковался плиточный чай. Материалами для него служат также чайные высеки, только лучшего достоинства. Плитки бывают около четверти фунта весом и прессуются из сухого нераспариваемого материала».

²⁵ Епанечка (он слова «епанча») – нарядная бархатная, парчовая женская безрукавка (обычно на меху).

²⁶ Кичка (кика) – старинный русский головной убор замужних женщин. Кичка закрывала волосы и имела впереди твердую часть (вставлялись береста, дощечка) в форме рогов, лопатки, копытца и т. п. Кичку надевали на голову, волосы тщательно закрывали холстом, затем шнуром фиксировали ткань на голове, несколько раз обвязав шнуром рожки. Сзади кички надевался «позатыльник» из бисера – прямоугольная полоса бархата, закрепленная для жесткости на картоне. Сверху кички располагалась нарядная «сорока» из вышитой ткани.

²⁷ Повойник – старинный русский будничный головной убор замужних женщин, шапочка из ткани с околышем.

²⁸ Наталья Леонидовна Шабельская, урожденная Кронеберг (1841–1904) – коллекционер русских народных костюмов, основала в Москве частный «Музей старины». Выйдя замуж за крупнейшего землевладельца Харьковской губернии, она устроила в своем имении – селе Чупаховка Лебединского уезда – мастерскую, где трудилось 14 вышивальщиц. Однако всецело собирательству Наталья Леонидовна отдалась с переездом в Москву, предпринятом ради образования дочерей. Шабельская много путешествовала по России и активно приобретала предметы. К 1904 году в коллекции было более 20 000 предметов. Впоследствии обе дочери Шабельской – Варвара и Наталья – продолжили ее дело.

²⁹ Стрелецкий голова – высший чин стрелецкого войска. Назначался обыкновенно из дворян и детей боярских, был начальником пяти сотен стрелецкой пехоты.

³⁰ Сокольничий – один из старинных чинов княжеского двора, стоявший во главе соколиной охоты, а иногда и всех учреждений военно-княжеской охоты.

и кольчуге, с завистью рассматривали славянские костюмы великолепной троицы. Костя был хорош в широкополой шляпе с пером, но даже он сказал, что когда-нибудь нужно устроить общий костюмированный бал в древнерусском стиле – и все живо поддержали это предложение. На следующий день газеты назвали костюмы Ники, Ксении и Сандро «восхитительными» и «живописными». Наряды даже затмили главное событие вечера: эффектную постановку в честь масленицы.

Сначала все ждали прибытия императорской четы, скрашивая ожидание танцами и тончайшими блинами с осетровой икрой, малосолевой сельдью, сметаной, грибами, медом, топленым маслом, вареньем из апельсинов, выращенных в личном оранжерее графа... Икру и соленую рыбу Ники терпеть не мог еще со времен своей поездки по Дальнему Востоку, где его только этим и угощали, поэтому налегал в основном на сладкие начинки.

В половину одиннадцатого в Шереметевском дворце раздался трубный глас, распахнулись золоченые двери и в Бальный зал вступили царь с царицей.

Отец был в простом кавалергардском мундире, но казался оживленным и даже румяным. У Ники сжалось сердце – как счастлив он был видеть Папа в добром здравии! Мама в этот раз тоже отказалась наряжаться в карнавальный костюм, поскольку хотела похвастаться перед всеми обновкой – умопомрачительным зимним платьем из темно-красного вельвета со вставками из золотой парчи. Очередной шедевр парижского кудесника Уорта³¹! Императрица Мария Федоровна, с ее великолепной фигурой, безупречным вкусом и умением подать себя, была любимой клиенткой капризного кутюрье.

Граф Шереметев ударил тростью в пол, и в те же двери забежали самые настоящие бурые медведи, запряженные в сани. Аристократы ахнули: «Шикарная аллегория масленицы!» – и шумно зааплодировали, приведя медведей в беспокойство. Позади саней шел хор и распевал народные масленичные песни. Ники мгновенно сориентировался – слова ему были хорошо знакомы – и громко подхватил хорошо поставленным баритоном:

*Масляница, обманищица;
Обманула, провела,
За заулочек завела,
Дала редьки хвост
На великий пост.*

Гости пришли в полный восторг: «Браво! В русском костюме – русские песни!» Цесаревич самодовольно раскланивался на все стороны.

После ужина родители уехали, Ники же остался и плясал до изнеможения, а потом простывал за несколькими стаканами шампанского до половины пятого утра.

Веселые февральские дни сторали один за другим, как бенгальские огни, и лишь однажды эта радостная карусель на мгновение остановилась. В конце месяца в Петербург прибыл дядя Сергей – муж Эллы, московский генерал-губернатор и младший брат Папа. С Ники великий князь перекинулся буквально парой слов – передал приветы от тетеньки и, с многозначительной улыбкой, от «милрой Пелли», из-за чего настроение у цесаревича резко испортилось, – а потом надолго закрылся в кабинете с императором.

Ники, конечно, не собирался подслушивать, но Папа так кричал на дядю Сергея, что отзвуки его разгневанного баса доносились даже до спальни цесаревича: «Перестань разыгрывать царя! Устроил себе великое княжество московское! Мне все на тебя жалуются – что это

³¹ Чарльз Фредерик Уорт (англ. Charles Frederick Worth; 1825–1895) – французский модельер английского происхождения, основатель дома моды House of Worth, один из первых представителей высокой моды. Одевал европейских императриц, королев и принцесс, а также знаменитых актрис и жен американских магнатов.

ты удумал, отдельно взятый феодализм в моем государстве хочешь устроить? Ты не удельный князь, заруби себе это на носу, братец!» Дядя слабо возражал, но Папа его не слушал, продолжал бушевать: «Может, ты еще и валюту свою в Москве введешь, со своим красивым профилем на монетках? Может, посла к тебе в Кремль от моей империи отправить? Заигрался, Сергей, заигрался!»

Потом отец немного успокоился, крики прекратились и Ники заснул.

Зимний сезон канул в вечность.

Март

1 марта. Петербург

Смутное беспокойство охватило всю семью с самого утра.

Ники, пытаясь отвлечься от гнетущей тревоги, запустил было на эолоне «Лунную сонату», но почти сразу выключил. Сердце и без того разрывалось на части – как от бомбы террориста...

Первое марта тысяча восемьсот восемьдесят первого. Тринадцать лет назад. Ники бежал по мраморным ступеням Зимнего, стараясь не наступать в большие пятна черной крови.

Дедушка³² лежал в кабинете, на диване у окна. Смотреть на него было невозможно. Любимый, добрый, ласковый Анпапа умирал в тяжелой агонии от бесчисленных ран. Вокруг толпились люди. Все что-то говорили и плакали. Княгиня Юрьевская упала на колени возле Анпапа и иступленно целовала его окровавленные пальцы, крича: «Саша! Саша!» Отец стоял у окна, закрыв лицо руками.

У Ники кружилась голова от ужаса, духоты и тошнотворных запахов. Сандро, которого тоже привели попрощаться с дедушкой, взял кузена за руку. Ники крепко вцепился в узкую ладонь друга. Стало чуть полегче.

Через сорок пять минут лейб-хирург, слушавший пульс Анпапа, поднял голову и объявил:

– Государь Император скончался!

Княгиня Юрьевская вскрикнула и потеряла сознание. Ее розовый с белым рисунком пеньюар был весь пропитан кровью.

Сандро потянул Ники вниз. Все присутствующие в комнате опустились на колени перед новым государем. Отец расправил широкие плечи. В его глазах плескались боль и жажда возмездия. Перед Ники стоял истинный Монарх – могучий, мужественный и бесстрашный, как древний викинг.

Народовольцев³³ быстро схватили и казнили. Император перевез жену и детей в укрепленный Гатчинский замок, где даже мошка не могла пролететь незамеченной. Но никогда с тех пор Романовы не чувствовали себя в полной безопасности.

С годами чувство страха притупилось, Ники стал кататься по городу без всякой охраны, но каждый раз с наступлением первого дня весны страшные воспоминания оживали.

В этом году большая семья, как всегда, собралась на заупокойную обедню в мрачной Петропавловской крепости. Потом был печальный завтрак в Аничковом, после которого Папа позвал всех мальчишек на улицу – развеяться и повозиться в снегу.

Миша и Сандро сразу выскочили во двор, а Ники забежал на конюшню за Вороном. Лохматый черный колли встретил своего хозяина чрезвычайно радостно и мгновенно вылизал Ники все лицо, изрядно подняв цесаревичу настроение. «Ну-ну, соскучился», – смеялся Ники. Порой он брал пса к себе во дворец, но чаще оставлял слугам – слишком суматошную жизнь

³² Александр II Николаевич (1818–1881) – император Всероссийский, отец Александра III. Погиб от рук террористов, взорвавших бомбу на набережной Екатерининского канала во время проезда царского кортежа. Николай и другие внуки называли дедушку «Анпапа», а бабушку «Анмама».

³³ «Народная воля» – революционная нелегальная политическая партия, возникшая в 1879 году после раскола организации «Земля и воля» на радикальную «Народную волю» и умеренную «Черный передел». Партия ставила своей основной целью принуждение царского правительства к демократическим реформам и последующее социальное преобразование общества. Одним из методов политической борьбы «Народной воли» стал индивидуальный террор. Участников организации называли народовольцами.

вел молодой наследник, как тут еще и за питомцем следить! Впрочем, на конюшне Ворона любили и так старательно откармливали, что цесаревич только за голову хватался: «Это уже не собака, а бочка какая-то! А ну, пойдем растрясем жирок!»

Папа и Миша с Сандро уже всюду трудились над снежной крепостью. Погода была скверная, с Невы дул сильный ветер, но бравым зодчим все было нипочем. Миша скатывал как можно более огромные шары, Сандро, кряхтя, устанавливал их друг на друга, а Папа руководил строительством, кидаясь снежками в бестолковых исполнителей. Раньше отец сам поднимал тяжеленные ледяные блоки, с грустью вспомнил Ники.

Ворон, ворвавшись во двор с оглушительным лаем, внес изрядную сумятицу в отлаженный процесс. Папа, обожавший собак, отвлекся на Ворона, принялся его теребить и кормить снегом, что псу ужасно понравилось. Сандро с Мишей тем временем быстро и халтурно навалили парочку безнадежно кривых снежных «кирпичей» и зачем-то стали закладывать ими предполагаемое крепостное окно. Императорский нагоняй последовал немедленно. Миша начал горячо доказывать, что из окна будет дуть, и приставал с этим к отцу, пока тот не согласился заузить окно до маленького иллюминатора.

С помощью Ники и Ворона, вертевшегося у всех под ногами, фундамент башни за пару часов вырос до уровня груди, а внутри крепости появилась широкая снежная лавка. Решено было сделать перерыв. Миша, Сандро и взволнованный Ворон затеяли битву снежками на другом конце двора, а Папа усталю опустился на снежную лавку. Ники устроился рядом.

– Хорошо здесь, правда? – сказал отец, обводя взглядом сверкающие белизной стены. – Уютно. Ветра нет. Спокойно.

– Мой дом – моя снежная крепость, – задумчиво отозвался Ники, перефразируя известную поговорку. – С тобой и с Мама мне всегда спокойно и хорошо... Хочу, чтобы вы никогда не старели.

– Все-таки ты еще маленький, – улыбнулся Папа. Вокруг глаз собрались веселые морщинки. – А еще наследник называется... Взрослеть-то собираешься, сынок?

– Вообще-то я как раз хотел с тобой об этом поговорить, – вдруг решил Ники. Обстановка была самая подходящая. Вселенная сжалась до этого маленького белого пространства. Время словно остановилось, милостиво давая передышку вечно спешащим куда-то людям. – Папа, как ты думаешь... Возможно ли мне, когда-нибудь, не прямо сейчас... Есть ли у меня шанс – просто подумай, сразу не отвечай! – могу ли я надеяться когда-нибудь перестать быть наследником? – с трудом вымолвил Ники. Щеки у цесаревича горели так, что на них можно было плавить жженный пунш³⁴, его любимый зимний напиток.

Папа в недоумении переспросил:

– Хочешь, чтобы я передал тебе корону прямо сейчас? Я бы рад, сынок, но ты пока не готов, как мне представляется...

– Наоборот! – с жаром воскликнул Ники. – Я вообще ее не хочу, эту дурацкую корону! Думаю, я никогда не буду к ней готов. Я больше всего хочу жить обычной, частной жизнью, путешествовать по всему миру с любимой женщиной, а она, к великому сожалению, не графиня, точнее, графиня, но не может это доказать... – Он смешался. Стыдно было говорить сейчас о Матильде. – Папа, я умоляю тебя, пусть наследником будет кто-нибудь другой – только не я.

Император молчал. Ники, боясь поднять глаза, ковырял носком офицерского сапога утоптаный снег. Папа непросто было вывести из себя, но в гневе он был крут – метал молнии, как Зевс.

³⁴ Сочиненный гусарами, жженный пунш был крайне зрелищным напитком: огромный чан наполнялся вином, на него клали две перекрещенные сабли и ставили на них сахарную голову, которая поливалась ромом. Затем голову поджигали, и жженный сахар стекал в вино, после чего его тушили шампанским. Из-за этого «пожара» напиток и получил свое название.

Наконец цесаревич услышал:

– Понимаю тебя, как никто другой, сынок.

Ники вздернул голову. Удивительно, но Папа совсем не сердился и даже казался довольным.

– Знаешь, милый Ники, я рад, что ты это сказал, – сообщил отец. – Хорошо, что ты и сам ищешь себе другую судьбу. Ты слишком добрый, мягкий и сентиментальный мальчик, чтобы править государством. Особенно таким сложным, как Российская империя. Я слишком люблю тебя и слишком люблю страну, чтобы сводить вас вместе. Твое венчание с Россией вряд ли будет счастливым.

У Ники перехватило дыхание.

Папа стряхнул льдинки с бороды и объявил:

– Потерпи еще немного – года три максимум. Смотря что будет раньше: или Джоржи выздоровеет, или Мише исполнится восемнадцать. Мама в конце весны к Джоржи поедет, посмотрит, как он там... Верю, при нем Россия расцветет – братец твой любит науки...

– Ни дня не может без телескопа! – подтвердил Ники. – Джоржи со звездами на ты.

– Да и Миша молодец, – воодушевлено продолжил отец. – Нравится он мне – на все имеет свое мнение, и уже если что придумал, так будет держаться до последнего; в меня парень пошел... Словом, кто-нибудь из братьев подхватит «эстафетную палочку» – ненавистный тебе скипетр. А потом уже женись на любой графине или балерине и отправляйся в плавание. Договорились?

Ники, совершенно ошеломленный отцовской мудростью, активно закивал.

Тут в снежную крепость влетел Ворон и с таким энтузиазмом кинулся на цесаревича, что тот свалился с лавки наподобие куля с мукой.

– Даже и с собакой управиться не можешь, куда уж тебе империей командовать, – усмехнулся отец. – Ну что, пойдем к Мама, чайку горячего попьем?

17 марта. Лес у деревни Ручьи³⁵– Петербург

Бах! Бабах! Бах!

– Вперед, братцы! – орал Ники сорванным голосом, падая на льду и сразу вскакивая обратно. – Врешь, не возьмешь! В атаку!

– Ура-а-а! – ревели бойцы, бросаясь на укрепления противника. И цесаревич с ними – весь мокрый, облепленный снегом, глаза горят, шашка в руках пляшет, такому на пути лучше не попадаться.

– Сдавайтесь, господа саперы, вы окружены! – торжествующе объявил Ники, врываясь в снежный редут и отгоняя противника от орудий. Вслед за командиром в редут набились остальные преображенцы и лейб-казаки. Все очень шумели, смеялись над побежденными саперами, и Ники из последних сил напряг горло: – Братцы, примите поздравления: наш отряд выиграл эту битву! – Он немного перевел дух: – А теперь прошу всех к столу – в сельской школе нас ждет завтрак.

Победители и проигравшие с энтузиазмом накинудись на огненные щи со свежим, только из печи, хлебом. За столом только и разговоров было, что об успешно проведенных учениях, первых в этом году. Костя очень хвалил цесаревича за бесстрашие, но отметил и ошибку –

³⁵ Ручьи – исторический район на северо-востоке Санкт-Петербурга. Бывшая богатая немецкая колония, возникшая в начале XIX века на дороге из Петербурга в Мурино. Рядом находились деревня Гражданка и дача сенатора И. И. Кушелева с большим пейзажным парком; владелец устроил в парке озера, каналы, острова и павильоны. Территории вошли в состав города после революции.

незачем командиру лезть под самые пули. В редут нужно было отправить подчиненных, а не соваться туда первому. Жизнь наследника слишком дорога, подытожил Костя.

– Да-да, ты прав, конечно, – согласился цесаревич, лишь бы только не спорить с дядей. А мысленно усмехнулся: «Недолго мне осталось таскать терновый венец наследника».

Обратная дорога была чудовищной: брели по колено в снегу, ледяной ветер дул в лоб, мешал переставлять ноги. К шести вечера все-таки доковыляли до казарм на Миллионной, мокрые, грязные и очень довольные.

Закусив с Папа и Мама в Аничковом, Ники заглянул во французский театр³⁶ – давали отличную комедию «Трое бакалейщиков»³⁷, про старых дураков, которые следят за молодыми женами друг друга, подозревая их в измене; на сцене все время творится сплошная путаница и неразбериха – чистый восторг, балаган страшный! Впрочем, французы никогда не подводили, Ники знал наизусть все их оперетки: от «Бесстыжих»³⁸ до «Блистательного Ахилла»³⁹, от «Жиголеток»⁴⁰ до «Первого супруга Франции»⁴¹. Умора!

День казался идеальным... До тех пор, пока усталый герой не приехал к любимой.

Сначала все было просто восхитительно: мерцающие свечи, ледяное шампанское, летящий шифоновый пеньюар с голубыми перьями, жемчужное ожерелье на обнаженной груди, бессвязные горячие слова... Какое блаженство – после тяжелого дня утонуть в мягких подушках, зарыться в накрахмаленные швейцарские простыни с белоснежно-альпийской вышивкой, слушать потрескивание дров в камине и целовать любимую, как в последний раз...

Но потом Ники вспомнил о пакете, который он принес с собой и в пылу страсти бросил где-то в прихожей.

– Моя маленькая пани, а у меня для тебя сюрприз, – промурлыкал Ники и позвонил слугам, чтобы поскорее доставили пакет в спальню. Горничная торжественно внесла на серебряном подносе эффектный подарок, упакованный в тончайшую сиамскую бумагу красных и золотых оттенков и перевязанный золотой же лентой.

Матильда, облачившись в простыню на манер греческой богини, схватила хрустящий пакет, нетерпеливо развернула бумагу – и растерялась:

– Это... вафли?

Балерина озадаченно крутила в руках жестяную коробку с надписью «Французские фруктовые вафли. С. Сиу и Ко. Москва», украшенную приятными рисунками спелых абрикосов, виноградной лозы и лесных орехов. На одном из первых свиданий Матильда угощала Ники этими вафлями, поэтому коробку от них он решил сохранить навеки.

Цесаревич улыбнулся:

– А ты загляни внутрь!

– Неужели там драгоценности? – восторженно предположила Матильда. Украшения она любила.

– Лучше, чем драгоценности, – самодовольно заявил цесаревич. – Открывай скорее!

Матильда сняла крышку и ахнула. От разочарования.

– Что это такое?

Коробка была заполнена фотографиями. Десятки снимков, и на всех она – Матильда Кшесинская, императрица балета! Вот она в роли Авроры вальсирует в «Спящей красавице»; а здесь, с цветком в прическе, репетирует партию Флоры для нового балета, премьеры которого

³⁶ Имеется в виду спектакль французской труппы, существовавшей в Михайловском театре с 1859 по 1918 год.

³⁷ Оригинальное название – «Les trois épiciers».

³⁸ Оригинальное название – «Les effrontés».

³⁹ Оригинальное название – «Le brillant Achilles».

⁴⁰ Оригинальное название – «Leurs gigolettes».

⁴¹ Оригинальное название – «Le premier mari de France».

состоится летом, на свадьбе Сандро и Ксении; а эту фотографию Ники снял совсем недавно – Матильда в костюме Пахиты с помпончиками сидит перед зеркалом в гримерке, лицо уставшее, но удивительно одухотворенное...

– Ты и не замечала, что я тебя снимаю, – радостно признался цесаревич. – А я повсюду брал свой «Кодак»!

– Но Ники... – Матильда внимательно рассматривала фотографии. – Здесь много смазанных снимков...

– У меня новейший аппарат, – обиделся Ники. – Он дает максимально возможное качество. Лучше не снять. Мы с «Кодаком» не виноваты, что ты носишься по сцене, как угорелая.

– А это что такое? – Матильда сунула ему фотографию из гримерки. – Ты только посмотри, сколько у меня тут морщин, будто мне не двадцать один, а девяносто два!

– Свет неудачно падал, – раздраженно объяснил Ники. – Над уличными фонарями я не властен. Я же не дворник.

– Послушай, Ники, я одного не могу понять, – сказала Матильда, выпуская из рук фотографии и утомленно сжимая виски. – Зачем ты все это снимал?

– Чтобы украсить наше будущее семейное гнездышко, – пожал плечами цесаревич. – Отец вот-вот освободит меня от наследования; мы сразу после этого женимся, покупаем хороший дом и отделяем его по своему вкусу! Я планировал развесить эти фотографии в нашей будущей гостиной. Они будут прекрасно сочетаться со снимками из предстоящих нам кругосветных путешествий...

По мере того, как Ники разглагольствовал, черные брови Матильды поднимались все выше. На фразе про кругосветные путешествия балерина вылетела из постели и принялась вдевать дрожащие руки в шифоновые рукава пеньюара. Голубые перья трепетали.

– Прекрати! – воскликнула она. – Прекрати сейчас же! Я больше не могу это слушать! Хватит рассуждать о том, что никогда не сбудется! Я не верю, что отец освободит тебя от престола, и не поверю, пока не увижу подписанный указ. Я не верю, что мы когда-нибудь сможем пожениться, и, ради всего святого, перестань об этом говорить. Перестань травить душу мне и себе! И знаешь – я даже рада, что я не графиня и не могу выйти за тебя замуж. Потому что я птица, Ники, птица! А ты все мечтаешь посадить меня в клетку. Эти фотографии, твои трофеи, тому доказательство! Застывшее мгновение – так ведь их называют? Ты пытался поймать мой танец, заточить его в этих бумажных прямоугольниках... Но снимки – всего лишь бледное отражение настоящей жизни. Даже если они сделаны наилучшим «Кодаком»... Не хочу видеть эти фотографии. Они меня угнетают.

– Может, ты и меня не хочешь видеть? – с ледяным спокойствием спросил Ники, чувствуя, как внутри обрываются какие-то жизненно важные струны.

– Я люблю тебя, Ники, но иногда ты на меня слишком давишь, – отозвалась Матильда потухшим голосом. – Я могу тебе простить итальянку Леньяни... Я могу простить тебе графиню Потоцкую⁴² – да-да, мне рассказали, что ты флиртуешь с ней напропалую с начала февраля, то в гостях у великой княгини Марии Павловны, то на танцах у Шуваловых... Но я не допущу, чтобы ты распоряжался моей судьбой за меня. Я счастлива танцевать, я счастлива быть свободной, мне нравится моя жизнь! Пожалуйста, не мучай меня. Не говори больше про свадьбу.

– Не буду, – согласился цесаревич, застегивая мундир. – Прощайте, мадемуазель Кшесинская.

⁴² Графиня Потоцкая многократно упоминается на страницах дневника цесаревича Николая («Очень забавлялся; много болтал с граф. Потоцкой», «Ужинал рядом с Висковатовой и гр. Потоцкой», «Виделся с графиней Потоцкой» и др.). Вероятнее всего, речь идет об одной из дочерей польского магната графа Станислава Войцеха Антония Потоцкого, родственника графини Шуваловой. В 1894 году графине Марии Эльжбете Целестине Потоцкой было 22 года, а ее графине Цецилии Марии Потоцкой исполнилось 18 лет. Вполне вероятно, что Николай увлекся одной из сестер.

Он бросил стопку фотографий в камин и покинул уютный особняк на Английском проспекте.

28 марта. Гатчина – Петербург

На Неве зияли большие черные полыньи. Лед, еще совсем недавно казавшийся таким прочным и надежным, разрушался прямо на глазах.

Весна пришла, и никуда от этого было не деться.

– Полынья – это дыра в бесконечность, – задумчиво сказал Ники, опираясь локтями на мокрый парাপет гранитной набережной.

Сандро окинул жалкую фигуру цесаревича проницательным взглядом:

– Выкладывай, приятель.

– Что выкладывать? – Ники притворился, что не понял. Говорить не хотелось. Жить тоже.

– Сам знаешь что, – не отступился Сандро. – Почему ты такой смурной шатаешься последние дни. Лица на тебе нет, братец. Мы с Ксенией беспокоимся.

– Матильда, – прошептал цесаревич. На глазах закипали слезы. – Матильда бросила меня.

– Это плохо, – помрачнел Сандро. – Очень плохо. Сочувствую, приятель.

– Все кончено, Сандро, все кончено! – в отчаянии крикнул Ники, глядя на неряшливую Неву, сливавшуюся с депрессивным серым небом. Моросящий дождь размывал привычные пейзажи до неузнаваемости. – А я так ее люблю!

– Я знаю, Ники, – заботливо сказал кузен, и цесаревич вдруг вспомнил, как Сандро успокаивал его в душном кабинете Анпапа тринадцать лет назад. – Ты главное – не падай духом. Может, все еще образует. Маля тебя обожает.

– Прошло уже одиннадцать дней, а от нее ни весточки! Ни записки! – Цесаревич сдерживал рыдания из последних сил.

– Зайди к ней сам, – предложил Сандро.

– Я ей надоел, она так и сказала, – Ники с пронзительной болью вспомнил голубые перья пеньюара. – Что мне делать, Сандро, что же мне теперь делать?

– Прежде всего, не отчаиваться, – посоветовал кузен. – Уверен, вы с Малей помиритесь, вы созданы друг для друга. Она тебя уравнивает. А во-вторых, не вздумай пока слушать ничьих советов касательно твоей личной жизни. Ты сейчас особенно уязвим, Ники. Твоя душа – как открытая рана. Как вот этот тающий лед на Неве.

Кузены подошли к Дворцовому мосту.

– Что ж, тебе направо, мне налево, – сказал Сандро на прощание. – Пока ты будешь на Васильевском, я загляну в Адмиралтейство – меня в Морском министерстве ждут. Разрабатываем программу усиления российского флота на Тихом океане. Ох, Ники, не миновать нам войны с Японией! Будет большая битва за Манчжурию...

– Ты фантазируешь, Сандро, – рассеянно возразил Ники. – Японцы нас боятся, как мышка – дракона. Видел бы ты, как они перетрусили, когда на меня напал этот фанатик в Оцу! Император Мэйдзи ко мне на корабль лично пожаловал, лишь бы только убедиться, что я в порядке и что Японии не грозит близкое знакомство с могучей русской армией. Говорят, одна молодая девушка⁴³, узнав о покушении, заколола себя – насмерть заколола, вообрази! – у здания киотской мэрии, чтобы своей кровью искупить вину страны передо мной.

– Сильно, – признал Сандро.

⁴³ Девушку звали Хатакэяма Юко.

– После ранения меня буквально завалили подарками и телеграммами: не было такой деревни, из которой мне бы не прислали фарфорового котика с поднятой лапкой⁴⁴ – на удачу. У меня теперь этих котиков целое стадо!

– Стая, – поправил Сандро. – Лучше даже прайд, пожалуй. Они же не коровы, чтобы в стадо собираться.

– Как их ни назови, но трудиться эти фарфоровые бездельники не желают – никакой удачи у меня и в помине нет, – с горечью подытожил Ники, опять скатываясь в черную меланхолию. – Матильда меня бросила, Папа хворает... Дождь этот еще...

– Ники, возьми себя в руки, – строго сказал Сандро. – У тебя два официальных мероприятия впереди. После заедешь за мной в Адмиралтейство – и хандри сколько угодно. Но сейчас надо собраться.

– Я обещался к пяти часам зайти на чай к тетеньке Элле, – вспомнил вдруг Ники. – Пойдем вместе!

Сандро нахмурился:

– Не горю желанием. Иди без меня. Я подольше поработаю над своим проектом.

– Неужели все-таки представишь его Папа?

– Обязательно. Японцев следует опасаться. Я прожил в Нагасаки два года, знаю, о чем говорю. Ты же судишь о японцах поверхностно. Прости, Ники, но иногда ты бываешь слишком наивным.

Цесаревич пожал плечами – не до японцев ему сейчас было, – свистнул карете с императорскими гербами, медленно следовавшей за ними все это время, и запрыгнул в нее прямо на ходу.

– Помни, милый Ники, – сказал на прощание Сандро, – ты можешь построить самую высокую снежную башню в мире, но если предатели внутри крепости, ты обречен. Не позволяй людям манипулировать тобой.

Цесаревич отмахнулся, толком не расслышав. Пора было включать рабочее настроение. Ники нравилось сравнивать себя с механическим эольеном, в который загружают разные пьесы.

«Включаю пьесу «Венценосный покровитель домов призрения», громкость – крещендо, скорость – аллерго», – прошептал под нос Ники, подъезжая к первому богоугодному заведению – Биржевой барачной больнице для портовых рабочих. Приземистое одноэтажное здание из красного кирпича напоминало тюрьму. Тяжелые запахи и хриплые стоны пациентов лишь усугубляли ощущение безысходности.

Быстро пройдя барак для выздоравливающих и мимолетно заглянув в хирургический, Ники потребовал, чтобы его отвели в тифозное отделение. Попечитель больницы, тучный сын купца Елисеева, испугался: «Если позволите, ваше высочество, это опасно! Вы можете заразиться!» «Отлично, – подумал Ники, – тогда все мои проблемы сразу решатся», – а сам царским голосом приказал:

– Извольте показать тифозный барак, господин Елисеев!

После больницы Ники посетил еще более депрессивный Городской сиротский дом на Восьмой линии, где ему пришлось выслушать «Боже, царя храни» в исполнении худых детей в заштопанной одежде. Приют был выстроен в память о покушении на цесаревича в Оцу, и от этого на душе стало совсем мутно.

К тете Элле Ники прибыл весь развинченный. Словно глубокий старец, прошаркал по мозаичным паркетным полам Сергиевского дворца⁴⁵. Доплелся кое-как до библиотеки на вто-

⁴⁴ Манэки-нэко в переводе с японского – «Приглашающий кот», «Манящий кот», «Зовущая кошка»; также известный как «Кот счастья», «Денежный кот» или «Кот удачи».

⁴⁵ Дворец Белосельских-Белозерских стали называть Сергиевским в 1884 году, когда его купил великий князь Сергей Александрович к своей свадьбе с принцессой Эллой.

ром этаже, скользнул равнодушным взором по накрытому столу, безразлично кивнул хозяевам и рухнул на бархатный диванчик, встроенный в изумительные деревянные стеллажи.

Резной дуб здесь был повсюду, и это здорово успокаивало. Деревянные полуколонны подпирали прелестные ажурные балкончики. Окна, обрамленные широкими деревянными панелями, казались картинами модных нынче импрессионистов – промозглый Невский смотрелся не так уж плохо, если вообразить, что его нарисовал автор нашумевшего «Руанского собора в тумане»⁴⁶.

Ники, полулежа на диванчике в позе брошенного плюшевого медведя, уставился в серую даль стеклянным взглядом. Тетя Элла всполошилась:

– Милый, почему ты не садишься пить чай? Тебе нездоровится?

– Врача вызвать? – обеспокоился дядя Сергей.

Безупречно красивые, стройные хозяева превосходно гармонировали с аристократическим интерьером библиотеки. Дядя Сергей – воплощенная элегантность: узорчатые манжеты, мастерски завязанный узел галстука, тщательно уложенные волосы. Великого князя частенько упрекали в надменности, резкости, даже жесткости – но вы только посмотрите на него сейчас! Весь преисполнился искренним сочувствием к племяннику. «Холодный гордец» для посторонних, добрый друг и умный советчик для Ники – таким был дядя Сергей. Цесаревич гордился, что входит в его ближний круг, и считал, что Папа недооценивает своего брата.

Тетенька Элла... Боже, как же она хороша! Всегда в чем-то воздушном, светлом, с оборками и кружевами; чудно подобранные украшения – ее муж знал толк в ювелирном искусстве; тонкие черты лица, пылливый взгляд, быстрая улыбка. Никто никогда не видел Эллу в плохом настроении. Ники не понимал, почему Мама недолюбливает эту очаровательную фею. Да, порой тетенька бывала чересчур настойчива, как в случае с его надуманным сватовством к Аликс, но она же это из лучших побуждений. Элла просто хотела чаще видеться с любимой сестрой, а если еще и ее любимый племянник будет при этом счастлив – ну что же в этом плохого?

Супруги встревоженно смотрели на цесаревича, ожидая объяснений.

– Вчера я видел двух летающих желтых шмелерлигов⁴⁷, – загробным голосом начал Ники. – Двух прекрасных, беззаботных бабочек. Еще совсем недавно и я был таким.

Порхал по жизни, как весенний мотылек. О чем-то мечтал, на что-то надеялся... Увы! Жизнь мотылька коротка. Наступила ночь. Меня больше нет.

Ники едва не разрыдался, настолько жалко ему себя стало.

Элла с Сергеем переглянулись.

– Шерше ля фам⁴⁸, – пробормотал великий князь.

– Кажется, я знаю, в чем дело, – осторожно сказала Элла. – Ты расстроен из-за Аликс? Но я же тебе писала, милый Ники, именно сейчас у тебя появился шанс получить ее согласие... Ты поедешь на свадьбу Эрни и Даки в Кобург? Обязательно поезжай! Уверена, что в этот раз у вас с Аликс все получится и ты наконец сможешь назвать ее женой...

Ники горько рассмеялся.

– Жениться? Никогда!

– А чай – тоже никогда? – с иронией спросил дядя Сергей. – Может, все же сядешь к нам за стол?

– Чай, – презрительно повторил Ники. – Позвольте вместо ответа процитировать вам великого японского поэта Рекана⁴⁹:

⁴⁶ Картина основоположника импрессионизма Клода Моне (1893 год).

⁴⁷ «Бабочка» в переводе с немецкого.

⁴⁸ «Ищите женщину» в переводе с французского.

⁴⁹ Рекан Тайгу (1758–1831) – японский писатель, поэт, философ, каллиграф и мыслитель.

Как хорошо,
загодя дров нарубив,
ночь напролет
праздно лежать у костра
с чаркой простого саке!..

– Чай не спасет умирающего шмистерлинга, – добавил Ники вместо эпилога. – Вот саке я бы выпил.

Дядя Сергей кивнул дворецкому, тот отдал приказание слугам, и через несколько минут на столе среди блюд с шоколадными эклерами и английскими булочками-сконами появился бежевый кувшинчик токкури из японского фарфора Имари, украшенный минималистичными черными цветами и простым геометрическим орнаментом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.